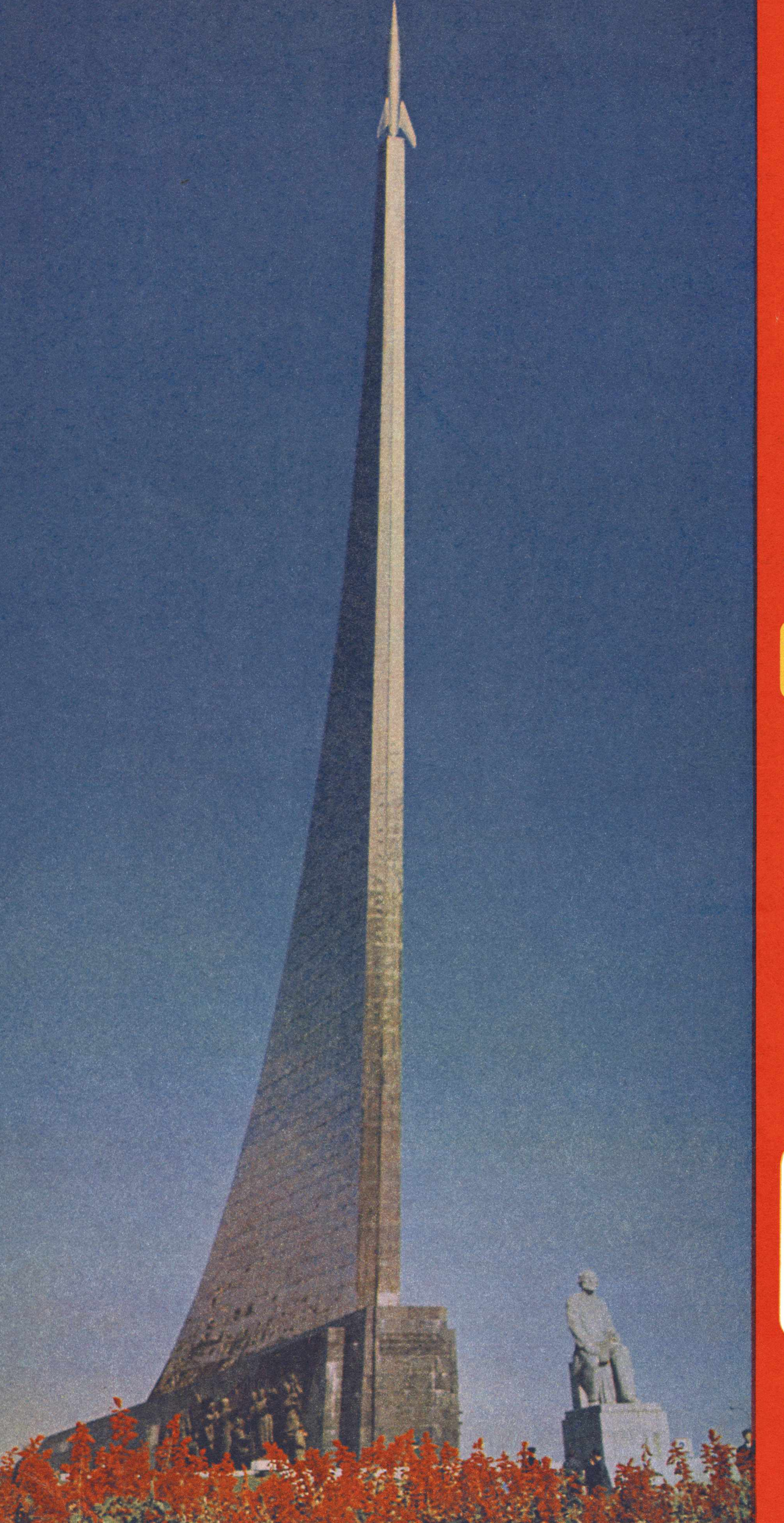

Георгию ШОНИНУ

Валерию КУБАСОВУ

Анатолию ФИЛИПЧЕНКО

Владиславу ВОЛКОВУ

Виктору ГОРБАТКО

Владимиру ШАТАЛОВУ

Алексею ЕЛИСЕЕВУ

СЛАВА!

ОГОНЁК

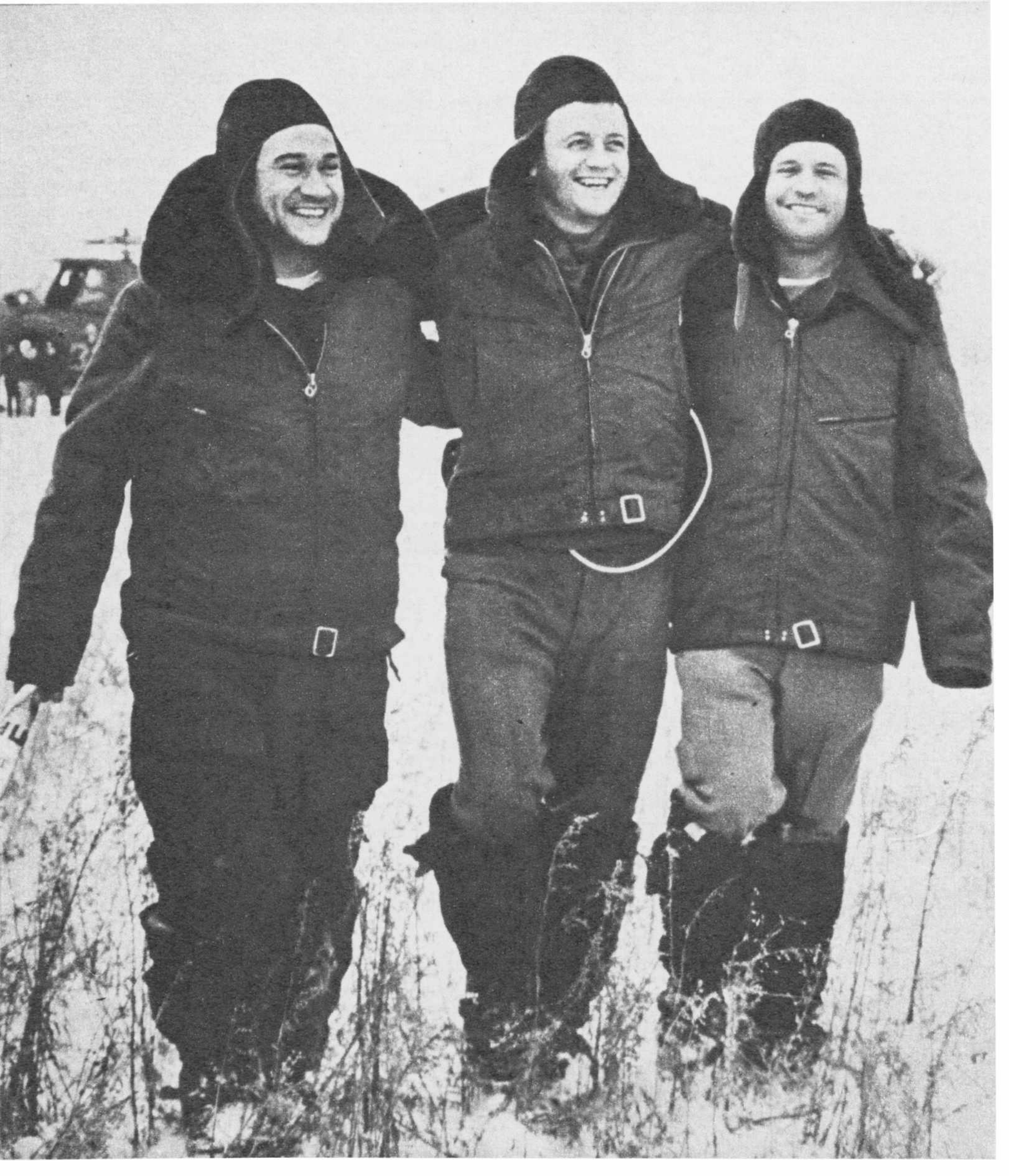
№ 43 ОКТЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

16 октября. После приземления космического корабля «Союз-6». Космонавты Георгий Шонин и Валерий Кубасов.

17 октября. Экипаж космического корабля «Союз-7»: Анатолий Филипченко, Владислав Волков и Виктор Горбатко,— на родной Земле.

СНОВА ДОМА— НА ЗЕМЛЕ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 43 (2208)

Основан 1 апреля 1923 года

25 ОКТЯБРЯ 1969

Фото А. Пахомова («Правда»).

18 октября. Владимир Шаталов и Алексей Елисеев. Караганда тепло встретила возвращение из космоса своих почетных граждан.

МОСКВА. 22 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА. АЭРОПОРТ ВНУКОВО.

Фоторепортаж специальных корреспондентов «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Свершений дерзостных пример —
Летят в разбуженном зените
Три звездолета СССР
На фантастической орбите.
По воле партии в наш век
Надежно взял ключи к Вселенной
Земли советской человек —
Строитель счастья вдохновенный!
Сквозь даль космических высот
Грядущей солнечною ранью,
Как символ жизни, пронесет
Он ленинизм по мирозданью.

Лев КОНДЫРЕВ

МОСКВА.
22 ОКТЯБРЯ
1969 ГОДА.
КРЕМЛЕВСКИЙ
ДВОРЕЦ
СЪЕЗДОВ.

ГЕРОИ В ОБЪЯТИЯХ РОДИНЫ

Столичный аэропорт Внуково празднично украшен. Лозунги, плакаты, транспаранты. Сотни и сотни москвичей. Встречают отважных космонавтов Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, М. С. Соломенцев. Здесь же видные государственные деятели, министры СССР, Маршалы Советского Союза, известные советские ученые, представители предприятий, строек, учреждений, студенты.

Космонавты на земле Москвы! Восторженно встречают их жители столицы. И вот Кремль. Митинг, посвященный новой победе советского народа в дальнейшем освоении космоса. Митинг открывает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Выступают космонавты В. А. Шаталов, Г. С. Шонин, А. В. Филипченко, А. С. Елисеев, академик Б. Н. Петров.

С речью на митинге выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Горячо поздравил космонавтов с успешным выполнением задания Родины, с высокими наградами Советского государства член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Страна Советов горячо поздравляет пятерых новых Героев Советского Союза — Г. С. Шонина, В. Н. Кубасова, А. В. Филипченко, В. Н. Волкова, В. В. Горбатко и дважды Героев Советского Союза — В. А. Шаталова и А. С. Елисеева.

Космическая эра. Год тринадцатый. Новое выдающееся достижение. Три космических корабля на орбите вокруг Земли! Семь космонавтов одновременно ведут научные исследования! Новые научные эксперименты по исследованию космического пространства и Земли. Обработка систем навигации и ручного управления и ориентации. Выполнение маневрирования и сближения. Впервые в мире сварка в открытом космосе! И люди знают: то, что они делают, нужно всем. Страна осваивает космос для человека Земли.

Ш. МАЛИНОВ,
инженер.

ГЕРОИЧЕСКИЙ КАРАВАН НА ОРБИТЕ

Октябрю суждено было стать космическим месяцем нашей истории. 4 октября 1957 года в языке всех народов мира появилось русское слово — «спутник».

12 октября 1964 года. В космос вышли ученые. Корабль «Восход-1» стал первой научной космической лабораторией мира. Космос предъявил самые строгие требования к интеллекту человека, вышедшего с ним один на один.

26 октября 1968 года. На корабле «Союз-3» совершает полет Георгий Береговой. Важнейшим результатом его полета явилась отработка процессов маневрирования и сближения с помощью автоматических и ручных систем ориентации и управления космическим кораблем, отработка элементов навигации по небесным светилам. Экспериментальные исследования в этом полете сыграли важную роль в развитии техники пилотируемых полетов и проведения научной деятельности космонавтов. С этого времени начались комплексные исследования на пилотируемых кораблях «Союз», составившие новую обширную программу орбитальных полетов. Важной вехой в истории космонавтики явилось создание первой экспериментальной орбитальной станции при полете космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5».

Что же принес новый космический полет?

Широкое маневрирование, выполнявшееся экипажами «Союз-6», «Союз-7», «Союз-8», чрезвычайно важно для пилотируемых орбитальных кораблей.

Развитие космонавтики твердо идет к созданию обитаемых станций на орбите Земли. Единственным правильным методом их создания может быть последовательная сборка путем пристыковки отсеков. Когда станция собрана, туда понадобится доставить экипажи, продовольствие, научную аппаратуру. Орбитальные станции будут предназначены для работы в течение нескольких десятков лет. Таким образом, регулярное сообщение между Землей и космосом станет необходимым. А осуществить его смогут лишь пилотируемые корабли, оснащенные самыми современными и точнейшими навигационными средствами: радиотехническими, оптическими, приборами для визуальных наблюдений, позволяющими точно определять местоположение корабля и выдавать исходные данные для управления сближением. В конструкции кораблей «Союз» и их оснащении как раз и заложены эти принципы, принципы транспортных кораблей будущего. Успешное выполнение Георгием Береговым неоднократного маневрирования по орбите при сближении с кораблем «Союз-2» показало высокую точность, надежность систем управления корабля.

Космические корабли типа «Союз» — пилотируемые аппараты нового типа. Их, пожалуй, можно назвать миниатюрной орбитальной станцией. И действительно, они заслуживают этого названия. Во-первых, корабль включает два совершенно автономных отсека: кабина, в которой сосредоточено все управление кораблем, и орбитальный отсек — это своего рода научная лаборатория и одновременно кают-компания. Оснащенность разнообразной научной аппаратурой, универсальная система двигательных установок, высокая маневренность на орбите, возможность стыковки с другими орбитальными аппаратами — вот фамильные черты представителя самой новейшей космической техники.

Замечательные свойства этого типа корабля позволяют выполнять самые разноплановые исследования в космическом пространстве. Пример тому — программа группового полета трех космических кораблей: «Союз-6», «Союз-7», «Союз-8».

Красной нитью проходит целенаправленность исследования практических возможностей использования орбитальных пилотируемых полетов в интересах развития многих отраслей народного хозяйства. Действительно, мы достигли сейчас такого уровня космической техники, когда человек начинает уверенно вести в космосе практическую деятельность.

Что это за эксперименты? Как они проводятся? С какой целью?

Особенность полета искусственного спутника Земли состоит в том, что он огибает планету несколько раз в сутки, а точнее, спутник может совершать до 16 витков над земным шаром. При этом трасса его по поверхности Земли все время сдвигается с востока на запад, то есть вся планета оказывается под пристальным взглядом космического исследователя.

Недалеко то время, когда места в кабинах космических кораблей займут специалисты самых различных профессий. И, пожалуй, одним из первых среди них окажется ученый-геолог. Перед ним космический полет откроет возможности необъятные, как сама Земля. Исследуя фотографии, выполненные с высокой степенью разрешения, в мелком масштабе, и низкой — в крупном масштабе, а также объемные фотографии, анализируя данные спектрометрических, радиометрических наблюдений, геолог будет изучать складки Земли, обнажения пород, плотность и стабильность почв, кору и мантию Земли. Он сможет устанавливать изменения характеристик поверхности, трещин, измерять вариации температуры почвы. Это позволит ему искать полезные ископаемые, предсказывать извержения вулканов и землетрясения. Особенно большую пользу «космический геолог» принесет при изучении труднодоступных районов.

Ну, а если на борту корабля окажется метеоролог? Пестрая картина земной поверхности, укутанной белоснежными облаками, многое подскажет опытному глазу. Прежде всего можно провести общую оценку теплового баланса Земли. Это уже практические исходные данные для долговременного прогноза климатических условий в целом по планете.

Немаловажными являются и оперативные прогнозы погоды в том или ином районе, своевременное предупреждение населения о надвигающихся стихийных бедствиях: ураганах, циклонах и тайфунах. Весьма значительный практический вклад в народное хозяйство принесут наблюдения за тающими ледниками и режимами горных рек, за изменением снежной обстановки в горных районах. Своевременное информирование с орбиты о возможных паводках позволит принять надежные меры по охране урожаев и селений от необузданной стихии.

Океанограф при помощи радиолокации и фотографирования может проводить оценку ледовой обстановки на Великом Северном морском пути. Или, скажем, при помощи фотометра ученый-биолог будет наблюдать изменение характерных оттенков океана, а это скажет ему о миграции рыбных косяков.

Фотоснимки лесных массивов, выполненные как в видимых, так и инфракрасных лучах, позволят обнаруживать очаги лесных пожаров. Постоянный космический «фотонадзор» планеты позволит определять структуру и границу лесных массивов, устанавливать ущерб, нанесенный лесу стихийными бедствиями. Причем в большинстве из перечисленных экспериментов присутствие квалифицированного специалиста на борту крайне необходимо, ибо при этом очень важен сознательный выбор объектов наблюдения, а это, в свою очередь, требует тонкого знания аппаратуры, используемой при наблюдениях, умения координировать ее работу.

Мы привели здесь лишь несколько примеров того, как пилотируемые орбитальные станции будут служить человеку. Словом, возможности использования орбитальных пилотируемых полетов в интересах народного хозяйства безграничны.

В полете трех космических кораблей, «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8», огромная часть программы посвящена как раз исследованию возможностей и отработке методов применения пилотируемых кораблей для дальнейшего развития народного хозяйства.

Широко и гармонично идет развитие нашей науки. Космические наука и техника все более становятся наукой всех наук, ибо они вбирают в себя все самое передовое, что создает человек. Советская космическая программа обширна и многогранна как по решаемым задачам, так и методам их осуществления.

Исследовательские спутники Земли, межпланетные автоматические станции, пилотируемые корабли и орбитальные станции — вот звенья широкого фронта наступления советской науки и техники на безграничные тайны Вселенной.

Запуск спутника в наши дни — событие рядовое. Но почему такой торжественный вид у этих людей, собравшихся на космодроме!

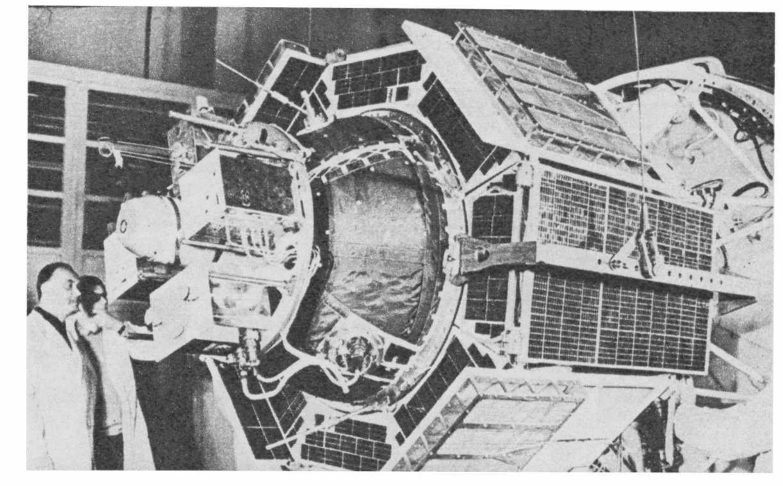
Вот дрогнула земля под ногами, заклокотало белое пламя у основания стальной башни — и ракета умчалась навстречу облакам...

Пришли первые сигналы из космоса — люди торжественно поздравляют друг друга. Слышится чешская, немецкая, польская, венгерская речь.

Первый спутник! Это их первый спутник! Наш общий первый спутник!

«Интеркосмос-1» — на орбите. Запуск этой космической лаборатории говорит о многом — о возросшем научно-техническом потенциале стран, уже создающих космическую технику. Об их тесном научном содружестве. О слаженности и координированности действий партнеров по международной кооперации.

Наш корреспондент задал несколько вопросов ученым, работающим в Совете по международному сотрудничеству в области исследования и использования космического пространства при Академии наук СССР («Интеркосмос») — организации, именем которой назван международный спутник. В беседе также принимала участие известный специалист по изучению Солнца, доктор физико-математических наук Алла Генриховна Масевич.

В монтажно-испытательном корпусе космодрома идет стыковка спутника «Интеркосмос-1» с ракетой-носителем.
Фото О. Кузьмина (ТАСС).

ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ

Первый вопрос заместителю председателя «Интеркосмоса» Владлену Степановичу Верещетину.

«ОГОНЕК». Владлен Степанович, создание этого спутника, очевидно, имеет свою историю. С чего начинался «Интеркосмос-1»?

В. С. ВЕРЕЩЕТИН. Я бы хотел ответить на этот вопрос пошире, чтобы не создалось впечатления, будто запуск искусственного спутника «Интеркосмос-1» — первый шаг в космическом сотрудничестве братских стран. Это новый этап в наших совместных исследованиях космического пространства, а первый шаг был сделан в октябре 1957 года. Через 2—3 дня после запуска первого искусственного спутника Земли в Астросовет Академии наук стали поступать сообщения о результатах наблюдений советского спутника и его ракеты-носителя. Первое сообщение пришло из школьной обсерватории города Родевиш Германской Демократической Республики. Надо сказать, что за годы, прошедшие с тех пор, эта школьная лаборатория превратилась в большую народную обсерваторию, и оттуда регулярно приходят результаты замечательно точных наблюдений за искусственными спутниками. Это, конечно, частность, но, возможно, она даст представление о серьезном интересе к космическим исследованиям в братских странах.

В том же, 1957 году в работу по исследованию космоса включаются Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Монголия.

В ноябре 1965 года в Москве (по инициативе Советского правительства) состоялось совещание представителей большинства стран социалистического лагеря. На этом совещании были заложены основы будущей программы международного сотрудничества в освоении космоса.

И вот теперь можно подвести итоги, можно говорить о весьма интересных работах наших зарубежных коллег в области космической физики, космической связи, метеорологии, космической биологии и медицины.

Сейчас спутники запускают часто, только о запусках спутников серии «Космос» было более 300 сообщений. Я хочу из этих трехсот спутников выделить «Космос-261», запущенный в конце прошлого года. Наблюдение за ним велось по согласованной программе всех социалистических стран.

Но, безусловно, наиболее знаменательным событием является запуск искусственного спутника «Интеркосмос-1». Ведь аппаратура, установленная на нем, изготовлялась непосредственно в социалистических странах.

Ученые братских стран участвовали в совместных работах на всех этапах по созданию спутника, начиная от выработки замысла проекта и кончая самим запуском. На мой взгляд, запуск спутника «Интеркосмос-1» — достойный вклад в работы по международной программе. Сам факт запуска «Интеркосмоса-1» свидетельствует о возросшем научно-техническом и экономическом потенциале стран социалистического лагеря. Ведь для этого необходим и общий высокий научно-технический уровень страны и высокая квалификация специалистов. Космические исследования требуют квинтэссенции последних достижений науки и техники. Космический эксперимент говорит о высокой культуре производства, высоком уровне приборостроения, электроники и других областей техники. Запуск «Интеркосмоса-1» показал всему миру, какого уровня в этом отношении достигли страны, идущие по пути социализма. С другой стороны, участие в космических экспериментах, создание средств космической техники являются мощным толчком для дальнейшего развития науки и техники в той стране, которая эту технику создает. И тут уже можно перебросить мостик между чисто теоретическими, фундаментальными исследованиями, ареной которых является космос, и областями техники, имеющими чисто практическое значение.

«ОГОНЕК». И все-таки какова история создания непосредственно самого спутника «Интеркосмос-1»?

В. С. ВЕРЕЩЕТИН. Я думаю, об этом лучше меня расскажет мой коллега Константин Борисович Ципкин. Он часто встречался с нашими заграничными друзьями, которые своими руками создавали эту космическую станцию, сам присутствовал при ее монтаже.

«ОГОНЕК». Константин Борисович, как возникла мысль создать такой спутник?

К. Б. ЦИПКИН. Все началось с необходимости. С необходимости изучать излучение Солнца за пределами атмосферы, которая есть не что иное, как гигантский фильтр лучей нашего светила. Изучать его коротковолновое излучение можно в космосе. Принять участие в этом исследовании изъявили желание ученые ГДР, Чехословакии, Польши и, конечно, наши астрофизики. В октябре 1967 года они встретились в Москве, в Физическом институте Академии наук. Определили программу работ по этой теме. Решили, что лучше всего вести исследования на спутнике, ориентированном на Солнце, с солнечными источниками питания. Определили состав научной аппаратуры.

К июню прошлого года были готовы эскизные проекты этой аппаратуры. А через год сделали и сами приборы. Когда наступил этап окончательной доводки аппаратуры и подготовки ее к летным испытаниям, наши друзья, специалисты из братских стран, действовали умело и уверенно. Предполетная подготовка прошла успешно, после запуска они сразу же включились в работу группы оперативно-технического руководства полетом спутника. Эта работа идет и сейчас. И тут тоже царит атмосфера энтузиазма и приподнятости, которая была, когда мы создавали первый интернациональный спутник. Всем хотелось, чтобы он получился как можно лучше. Этим порывом были охвачены все — инженеры, техники, рабочие. И успех пришел.

«ОГОНЕК». Теперь о научной стороне дела — о функциях, которые выполняет спутник «Интеркосмос-1» на орбите. Алла Генриховна Масевич — известный специалист по физике Солнца. Этот вопрос к ней.

А. Г. МАСЕВИЧ. Константин Борисович сравнил атмосферу нашей планеты с фильтром излучений. Я бы еще хотела сказать об атмосфере так. Слой воздуха над нашей головой кажется нам прозрачным. Но это всего-навсего означает, что сквозь него к нашим глазам проходит лишь часть электромагнитных волн — очень небольшая часть в оптическом диапазоне.

Есть в земной атмосфере для этих волн еще одно окно — в радиодиапазоне. И все. Если бы наши глаза воспринимали, скажем, только коротковолновые излучения, то видели бы мы окружающий мир так же, как если бы сидели на дне Марианской впадины — находились бы в непроглядной тьме. И только поднявшись в космос, увидели звезды и Солнце в их коротковолновом «свете».

Так вот аппаратура «Интеркосмоса-1» «видит» как раз в коротковолновом диапазоне.

Земная атмосфера полностью поглощает все приходящие из космоса электромагнитные излучения с длиной волны короче 2 900 ангстрем. Находясь за пределами атмосферы Земли, приборы могут регистрировать весь спектр электромагнитного излучения, приходящего из космоса. По сравнению с общим солнечным излучением поток коротковолнового излучения невелик, но его исследования имеют большое значение для науки и практики. Под действием этого излучения идут процессы диссоциации и ионизации молекул, составляющих атмосферу, и тем самым меняется состав, температура и свойства верхних слоев атмосферы. Это в первую очередь влияет на приток тепла и уход тепла от поверхности Земли, то есть коротковолновое излучение определяет ее тепловой баланс. С другой стороны, электроны, получаемые при ионизации атомов и молекул, образуют ионосферу, от состояния которой зависит радиосвязь на Земле.

Таковы наиболее важные последствия воздействия коротковолнового излучения Солнца на нашу планету. Но даже из этого короткого перечня становится ясно, что исследование коротковолнового излучения Солнца имеет очень важное научное и практическое значение.

Встреча партийно-государственной делегации ЧССР в Москве.

Переговоры в Кремле.

Фото А. Гостева.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ДРУЗЬЯ!

Тепло встретила Москва дорогих чехословацких друзей — партийно-государственную делегацию ЧССР. В ее составе: Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, член Президиума ЦК КПЧ, Президент ЧССР генерал армии Л. Свобода, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель Федерального правительства ЧССР О. Черник и другие официальные лица, прибывшие в Советский Союз по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным дружеским визитом.

В аэропорту чехословацкую делегацию встречали товарищи Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, К. Ф. Катушев и другие партийные и государственные деятели СССР.

Партийно-государственная делегация ЧССР, возглавляемая Первым секретарем ЦК КПЧ тов. Густавом Гусаком, нанесла визит Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневу, члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорному, члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгину.

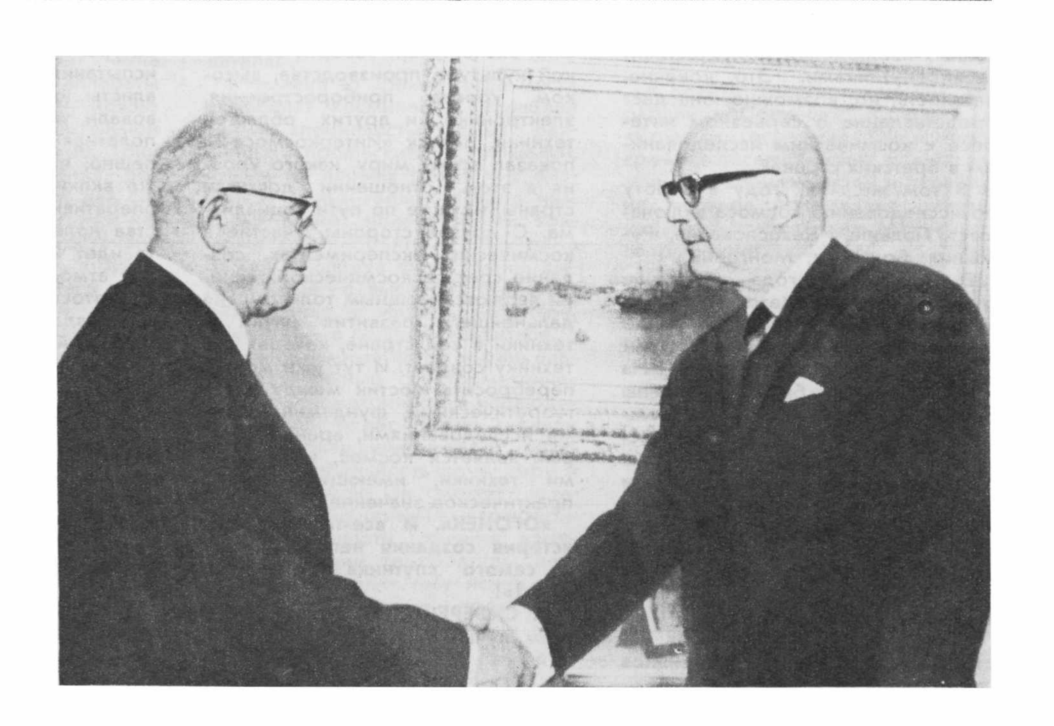
Во время визита между советскими и чехословацкими руководителями состоялась беседа, проходившая в сердечной, дружеской обстановке.

На обеде, данном ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и правительством СССР в честь чехословацкой делегации, Л. Свобода выразил полную уверенность в том, что этот визит будет успешным, что он будет полезен народам обеих стран, делу социализма, делу демократии и мира во всем мире.

В ДУХЕ ДОБРОСОСЕДСТВА

По приглашению Президента Финляндской республики У. К. Кекконена с официальным визитом посетил Финляндию Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

В совместном советско-финляндском коммюнике подчеркнуто, что беседы между Президентом Финляндской республики и Председателем Президиума Верховного Совета СССР проходили в обстановке откровенности и взаимопонимания. Было с удовлетворением отмечено, что между Советским Союзом и Финляндией установились и успешно развиваются добрососедские отношения. В этих отношениях проявляются на практике принципы мирного сосуществования. Обе стороны выразили удовлетворение по поводу положительного развития экономического сотрудничества, сотрудничества в области торговли, науки, техники и культуры между Советским Союзом и Финляндией.

На снимке: встреча Н. В. Подгорного и У. К. Кекконена.

Фото В. Соболева (ТАСС).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Николай ПАСТУХОВ

СТРАСТИ НАКАЛЯЮТСЯ

Политические страсти в Соединенных Штатах накалились до предела. Впервые за время пребывания у власти новая республиканская администрация попала под огонь серьезной критики, охватившей все слои населения. Причина — курс на продолжение агрессии против вьетнамского народа. 15 октября десятки миллионов честных американцев во всех штатах и городах страны вышли на улицы с плакатами: «Верните всех американских парней домой!», «Прекратите убивать!»

Что же послужило импульсом этого взрыва? Не выдержали нервы у самого президента. Опасаясь, что в США не все правильно понимают его двойную игру во вьетнамском вопросе, Ричард Никсон недавно заявил на пресс-конференции в Белом доме, что не хочет быть «первым президентом, возглавившим американское поражение». Другими словами, Вашингтон будет и впредь ориентироваться не на мирное, а на военное решение вьетнамской проблемы. «Тирады, раздающиеся в эти дни из Белого дома,— писала «Нью-Йорк таймс»,— знакомы по звучанию и воскрешают попытки Джонсона...»

И, видимо, не случайно это вызвало раздражение даже среди деятелей республиканской партии в палате представителей. Двое из них, Дональд Ригл и Пол Макклоски, требовали отменить резолюцию Конгресса 1964 года, которая позволила Джонсону фактически по своему усмотрению вести войну во Вьетнаме. Среди республиканцев начали раздаваться голоса, требующие вообще прекратить ассигнования вьетнамской авантюры. А сенатор Фулбрайт заявил, что «нужен мораторий не на слова, а на убийства».

И этот мораторий, как его назвали, «вьетнамский мораторий», состоялся 15 октября. Как же ответил президент США на это событие? Воспользовавшись письмом участника марша мира студента Джорджтаунского университета Рэнди Дикса, адресованным президенту, Никсон заявил ему, что не будет принимать во внимание чувства и настроения демонстраций. Таким образом он бросил еще один публичный вызов американскому общественному мнению. Этот вызов газета «Вашингтон пост» прокомментировала следующим образом: «Мораторий в среду — это лишь первый из многих намеченных. В ноябре состоится поход на Вашингтон... Таким образом происходит испытание воли, не имевшее себе равных в Соединенных Штатах в течение целого века».

Видимо, Ричард Никсон явно недооценивает силу американского рабочего класса, американской молодежи, которая, по свидетельству всех наблюдателей, особенно революционизировалась за годы агрессивной войны во Вьетнаме. Более того, выступая как-то на заседании Торговой палаты США, президент в припадке раздражения пригрозил американской молодежи новыми полицейскими репрессиями. Не останавливался перед ними и Джонсон. Известно, однако, к какому эффекту привели эти репрессии. Недавно в США побывал видный итальянский журналист Карло Бернари. Он писал в миланской газете «Темпо», что «война, которая происходит в Юго-Восточной Азии, вместо того чтобы играть роль клапана, выпускающего пар, усугубляет все причины конфликта».

Просматривая недавно последние номера американских журналов и газет, я обратил внимание на одно любопытное письмо, опубликованное газетой «Нью-Йорк таймс». Автор письма — крупный американский капиталист и видный политический деятель Честер Боулс. В годы моей журналистской жизни в Дели я мог наблюдать этого человека как бы «в действии», когда он находился на посту посла США в Индии.

Честер Боулс принадлежит к числу наиболее дальновидных американских политиков, которые поняли, что старые методы колониализма и вооруженные интервенции империализма исторически полностью себя дискредитировали и что против идей невозможно бороться военной силой. Эту концепцию он бурно пропагандировал в Дели, привлекая к себе определенные симпатии и вызывая недовольство Вашингтона. Правда, зрелые индийские политические круги прекрасно понимали, что Честер Боулс просто стремился одеть горькую пилюлю в сладкую облатку. Вот и на этот раз он снова изложил свое кредо на вьетнамские события в газете «Нью-Йорк таймс». Суть его сводится к следующему: характер завтрашнего мира будут определять идеи, а не истребители «Фантом», авианосцы, стоящие миллиард долларов, и не «массированные бомбардировки». Ну что ж, вполне реалистичный вывод, который у всех здравомыслящих людей не вызывает никаких сомнений. Однако буржуазии, и в том числе Честеру Боулсу, трудно предложить какие-либо новые душеспасающие идеи для капиталистического мира, за которыми могли бы пойти массы.

Всепобеждающие идеи, за которыми идут десятки миллионов людей нашей планеты, уже существуют. Они начертаны на знаменах международного коммунистического и рабочего движения. Это идеи марксизма-ленинизма.

Международный форум коммунистов, который состоялся летом этого года в Москве, дал ответ и на вопрос, что нужно делать людям доброй воли в борьбе против преступной политики империализма. «Чтобы положить конец преступным действиям империализма, который может навлечь на человечество еще более тяжкие бедствия,— говорится в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве,— рабочий класс, демократические, революционные силы, народы должны объединиться и выступать сообща. Обуздать агрессоров, избавить человечество от империализма — миссия, выпавшая на долю рабочего класса, всех антиимпериалистических сил, ведущих борьбу за мир, демократию, национальную независимость и социализм».

ПАМЯТИ КАТАРИНЫ СУСАННЫ ПРИЧАРД

Несколько лет назад молодая австралийская журналистка спросила ее:

— Мисс Причард, за вашими плечами долгая и большая жизнь в литературе и в политике. Скажите, пожалуйста, не возникают ли у вас раскаяния и сомнения в чем-то, когда вы мысленно оглядываетесь на прошлое? Короче, если бы вам представилась возможность начать все заново, пошли бы вы тем же самым путем?..

В памяти, как в калейдоскопе, мелькают кадры далеко минувших лет: отец, возвращавшийся из редакции тогда, когда уже вся семья спала, больная мать, школьный учитель, советовавший непременно поступить в университет... Да, она и сама хотела учиться дальше, но вместо этого пришлось стать гувернанткой. Университет остался несбывшейся мечтой... А потом — первые робкие шаги в литературе, неожиданный успех романа «Пионеры» в 1915 году, премия, признание, и вдруг трагическая весть: погиб старший брат на фронте. Как она возненавидела после этого войны!.. Почему они происходят? Неужели человечество не может без них обойтись?..

...Да, она рано стала проявлять интерес к политике. Литература и политика слились для нее в одно неразрывное целое. В свои произведения она вкладывала политические взгляды, а в политику — всю страсть литератора. Это еще в 1932 году заметила буржуазная газета «Уэст острэлиен», комментируя ее лекцию «Теория и практика коммунизма», прочтенную в университете города Перт. И разве можно было этого не заметить, если автор известных миру романов «Черный опал», «Погонщики волов», «Кунарду», «Цирк Хэнсби», а впоследствии знаменитой трилогии, повествующей о рабочих золотых приисков Австралии, начиная с первого дня основания Коммунистической партии Австралии в 1920 году вела активную партийную и общественную деятельность. По совету Ромена Роллана она развернула в Австралии кампанию в поддержку «Движения против войны и фашизма». Она была в первых рядах тех, кто выступал в защиту республиканской Испании. В 1940 году ее дом в Гринмаунте (штат Западная Австралия) подвергся полицейскому налету, и многие из ее книг были конфискованы. Компартия была временно запрещена, но разве это могло остановить К. С. Причард от поездок по стране и горячих речей, в которых она призывала к сбору средств в помощь Советскому Союзу, подвергшемуся вероломному нападению гитлеровской Германии...

— Нет, я не раскаиваюсь в избранном мною пути,— ответила Катарина Сусанна Причард молодой журналистке.— А вот насчет сожалений... Да, сожалею, что здоровье не всегда позволяло сделать больше, чем хотелось бы.

...Этот эпизод К. С. Причард рассказала мне, когда я посетил ее в Гринмаунте во время работы собкором «Правды» в Австралии. В то время она страдала сердечными приступами, но продолжала работать над романом «Потаенное пламя», которому суждено быть последним. К. С. Причард с восторгом вспоминала о встречах с советскими писателями, которые непременно навещали ее, оказавшись в Австралии, показывала сувениры, подаренные ей нашими моряками, говорила о письмах, которые она получала из разных городов Советского Союза.

И вот из Австралии пришло тяжелое сообщение. Катарина Сусанна Причард скончалась на 85-м году жизни.

Ее нет больше в живых. Но светлый образ писательницы-коммунистки надолго сохранится в сердцах почитателей ее яркого, страстного таланта, в сердцах тех, кто знал ее как пламенную революционерку, мужественного борца за мир и социализм, верного друга Советского Союза.

Ю. ЯСНЕВ

Автограф Сэма Нуйома казахскому ученому Баяхмету Абдалиеву.

Фото Е. Ивина.

ЛЕНИНСКИЙ КОМПАС

В Алма-Ате недавно проходил международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В нем приняли участие представители более 50 стран.

— Приговор был коротким: смертная казнь. Других приговоров нам не полагалось.— Сэм Нуйома грустно улыбнулся.— Я африканец, а в Южной Африке суровые законы белых. На рассвете меня и еще трех товарищей должны были расстрелять. В камере нас было семеромы, четверо членов партии, двое крестьян и один рабочий с приисков. Разговор начался с земли. Крестьянин жаловался, что аренда забирает почти весь урожай. Я сказал ему: «Надо кончать с помещиками и брать землю в свои руки». Он оглядел меня внимательным взглядом, провел заскорузлой ладонью по черному лоснящемуся лицу и вздохнул: «За такие слова хозяин забил до смерти одного парня, он, наверно, из ваших». «Наверно, он был умный парень, раз предлагал это. Но в одиночку вам не справиться. Ленин учил нас, что победу можно одержать только вместе: рабочие и крестьяне». «Тот парень тоже говорил про Ленина». «Да, Ленин умел отличать врагов от друзей и знал, как бороться с врагами». «А ты сам не видел Ленина?» «Нет, отец, не видел, меня тогда еще на свете не было, когда он умер. Но книг своих он оставил нам много. По этим книгам теперь такие, как ты и я, учатся бороться и побеждать врагов. Он совершил Октябрьскую революцию в России, и землю получили бедняки. Ленин и нас научил, как бороться. Мы еще сделаем свой Октябрь». Крестьянин улыбнулся в ответ на мои слова, и я понял его: завтра на рассвете нас расстреляют.

...Но приговоренных по дороге к месту казни отбили революционеры. Сэма Нуйома я встретил в Алма-Ате. Он и поведал мне эту историю.

О героической борьбе африканских народов с трибуны международного симпозиума в Алма-Ате говорил Мзивадиле Пилисо — член руководства Африканского национального конгресса ЮАР.

— Ленин возвысил свой голос в защиту интересов колониальных народов, в защиту прав народов на самоопределение. Народы искали пути вслепую. Ленин указал, кто и где является врагами угнетенных народов. Ленин указал нам, каким путем следует идти для того, чтобы нанести поражение врагу.

Во время симпозиума было прослушано много докладов о ленинском учении и его влиянии на развитие национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки. Более пятидесяти представителей различных стран — от борющихся против португальских колонизаторов Мозамбика и Анголы до коммунистов США и Венесуэлы — рассказывали о своей борьбе за претворение в жизнь бессмертных идей В. И. Ленина.

Вот некоторые высказывания участников международного симпозиума.

Профессор ХИРЕН МУКЕРДЖИ, заместитель лидера парламентской фракции Компартии Индии:

— Как верный ученик Маркса и Энгельса, Ленин знал и был глубоко убежден в том, что если такие пребывавшие в спячке континенты, как Азия, не будут втянуты в центр борьбы, то революция в этом маленьком уголке, то есть Европе, будет задушена реакцией.

В. Г. СОЛОДОВНИКОВ, член-корреспондент АН СССР:

— В. И. Ленин, глубоко изучив национально-колониальный вопрос, был первым марксистом, который увидел в придавленных колониальным гнетом народах неистребимую революционную энергию, способную не только завоевать национальную свободу, но и расчистить путь к социализму.

ПАУЛО ЖУНИОР, представитель партии Народное движение за освобождение Анголы:

— Перед нашими глазами много примеров, когда африканские страны добивались политического освобождения, но оставались в экономической зависимости от колонизаторов. В. И. Ленин учит нас, что полная национальная независимость может наступить лишь тогда, когда экономика страны будет независимой.

Профессор ХОСЕ КОНСУЭГРО, директор колумбийского журнала «Развитие»:

— Ленин в своем послании «К деревенской бедноте» анализирует результаты аграрной переписи в царской России, чтобы вскрыть все большее сосредоточение земель в руках помещиков и все большее обезземеливание крестьян... В силу сходства тогдашней аграрной России с сегодняшней аграрной Латинской Америкой труды Ленина стали для нас ценнейшими настольными книгами.

АНДРЕАС ФАНТИС, заместитель Генерального секретаря Прогрессивной партии трудового народа Кипра:

— Ленин смотрел на национально-освободительную борьбу народов, томившихся под игом капитализма, как настоящий революционер, как настоящий вождь угнетенных.

Эта общая мысль, которая проходит через выступления делегатов, показывает, что ленинское учение, отраженное в опыте Октябрьской революции, принадлежит всему миру, оно интернационально и для молодых развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки играет особую роль.

Значение прошедшего симпозиума велико не только тем, что он дал возможность его участникам обменяться опытом борьбы за национальную независимость на базе учения В. И. Ленина и поделиться мыслями о животворной силе ленинских идей, но и тем, что проходил он в преддверии исторической даты всемирного значения — столетия со дня рождения В. И. Ленина.

В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам международного симпозиума, посвященного столетию со дня рождения В. И. Ленина, отмечена роль великого Ленина в освободительной борьбе угнетенных народов: «Ленинская теория национально-освободительного движения и стратегия прочного союза международного пролетариата с угнетенными народами указали путь победоносной борьбы против колониализма, за независимость, свободу и социальный прогресс народов».

Покидая Алма-Ату, участники симпозиума выражали уверенность, что в антиимпериалистической борьбе они должны крепить единство со странами социализма, с мировым рабочим движением капиталистических стран, что именно единство является залогом успеха национально-освободительных революций.

Евгений ИВИН

г. Алма-Ата.

УЖГОРОДСКАЯ ВСТРЕЧА

По инициативе Советского комитета защиты мира в пограничном городе Советского Союза Ужгороде состоялась встреча борцов за мир семи европейских социалистических государств, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. На ней присутствовали представители национальных комитетов защиты мира Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословацкой республики.

В приветствии участникам ужгородской встречи Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул важную роль В. И. Ленина в укреплении мира: «Подпись В. И. Ленина стоит под историческим документом — первым Декретом о мире, провозгласившим политику равенства, мира и дружбы между всеми народами земного шара».

Отдавая дань уважения и признательности Владимиру Ильичу Ленину, борцы за мир возложили венки к его памятнику на центральной площади Ужгорода.

В своих выступлениях сторонники мира разоблачали агрессивные действия международного империализма и в первую очередь американских агрессоров, ведущих варварскую войну во Вьетнаме, израильских экстремистов, развязавших войну на Ближнем Востоке при поддержке американского империализма.

В резолюции международной конференции сторонников мира европейских социалистических государств отмечается, что агрессивной политике империализма противостоят народные массы, выступающие против угрозы новой войны, за разрядку напряженности и широкое сотрудничество.

На снимке: возложение венков к памятнику В. И. Ленину в Ужгороде.

В. Ефанов.

ПОРТРЕТ Я. М. СВЕРДЛОВА

IX ВЫСТАВКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВ СССР

П. Корин. ПОРТРЕТ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. К. ЖУКОВА

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ С УКРАИНСКОЙ ССР И БЕЛОРУССКОЙ ССР

Юхим ЯРОЩУК,
председатель Волынского областного Совета депутатов трудящихся

ЗЕМЛЯ МОЯ, ВОЛЫНЬ...

В сентябре 1939 года Красная Армия, выполняя свой интернациональный долг, взяла под свою защиту братские народы Западной Украины и Западной Белоруссии.

Отныне народы этих областей сами могли определить свою судьбу. И они определили ее. На собраниях народных представителей с огромным воодушевлением было принято единогласное решение: просить Верховный Совет включить Западные области Украины и Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик, воссоединив их с Украинской ССР и Белорусской ССР.

Первого ноября 1939 года Верховный Совет принял исторический Закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с Украинской ССР.

Второго ноября 1939 года вступил в силу Закон о воссоединении Западной Белоруссии с Белорусской ССР.

В июне нынешнего года мои молодые односельчане, только что окончившие среднюю школу, пригласили меня на выпускной вечер.

И вот я еду в родные Сереховичи, в некогда глухое полесское село, в котором прошло мое горькое, сиротское детство. Не то чтоб я давно не бывал у односельчан — Сереховичи, как и многие другие села нашей Волынской области, мне приходится нередко посещать по долгу службы. Но на сей раз я был особенно взволнован. Быть может, потому, что выпускной вечер решили провести в старом школьном здании, в котором некогда учился, или потому, что вечер открыл мой бывший ученик Иван Балюк, избранный ныне секретарем партийной организации местного колхоза. А может, и потому, что уж очень взяли меня за сердце цифры, которые прозвучали в его докладе...

В самом деле, на что мог рассчитывать житель глухого полесского села, когда нашей областью управляли ставленники царя, а потом польской буржуазии? Наесться досыта — было единственной мечтой всякого полищука. О грамоте никто не помышлял. Даже солтыс — сельский староста — знал всего две буквы, которые и ставил, ежели ему приходилось расписываться на каком-нибудь документе, о содержании которого он и понятия не имел...

В самом деле, на что мог рассчитывать ну хотя бы тот же Родион Литвинчук, внук которого, тоже Родион, получил нынче аттестат зрелости?

В лучшем случае на то, что хлеба хватит до весны, а там переходи на траву да ягоды. Обычно же не хватало и до рождества. Нищенские наделы, бедная земля — песчюганы и болота — не могли прокормить. Безысходная нужда заслоняла всю жизнь.

Вот что писала когда-то одна буржуазная газета о моем родном крае — Волыни:

«На темном фоне положения села резко выделяется еще более черное пятно — волынское полесское село. Крестьянская хата здесь — это низкая халупа. Часто от девяти до одиннадцати детей живет в одном помещении с поросятами, курами, а иногда и с крупным рогатым скотом... О какой-либо гигиене нечего и мечтать. Кто будет думать о гигиене, когда часто совершенно нечего есть! О мясе давно забыли. Сахар существует только в мечтах, как что-то совершенно недостижимое. Крестьянин пользуется лучиной. Можно обойти все село и не найти пол-литра керосина...»

Так было совсем недавно — тридцать лет назад.

А теперь, при Советской власти, сын Родиона Иван Литвинчук стал учителем, три его дочери — тоже учительницы, сестра — тоже. А внук Родион метит в инженеры...

За годы Советской власти в моем родном селе окончили среднюю школу 630 человек, не считая тех сорока трех, которые получили аттестат зрелости на этом выпускном вечере. Тридцать из них стали учителями, двенадцать—инженерами, двадцать один—врачами, шестнадцать—офицерами Советской Армии. А сколько человек окончили различные техникумы, училища, стали механизаторами, фельдшерами, специалистами сельского хозяйства!.. Судите сами, каков культурный уровень нашего села: жители его выписывают 1 630 газет и журналов.

Я уже привык к тем переменам, которые произошли и каждый день происходят в нашем крае, к той небывалой здесь жизни, которая росла и крепла на моих глазах. Но тут, на выпускном вечере, я вглядывался в девчат и хлопцев, которые, получая аттестат зрелости, что есть силы старались согнать счастливые улыбки, и слезы подступали к глазам...

Может возникнуть вопрос: а как обстоят дела в других селах? Как-никак Сереховичи — родное село председателя облисполкома. Не потому ли здесь отстроили и великолепную школу и новенький дом культуры, по размерам и отделке не уступающий иному театру, и первоклассный магазин, и стадион?..

Нет, Сереховичи ничем не отличаются от сотен и сотен других волынских сел.

Отправимся вместе в село Березовичи, в колхоз «Комсомолец», в гости к колхозникам и к председателю, депутату Верховного Совета Украины Василию Макаровичу Герасимчуку...

Впрочем, от старых Березовичей и от окрестных березовичских хуторов осталось только одно название да кое-где не запаханные еще фундаменты от бывших халуп. Березовичи выросли в поле, на новом месте. Центр села, расположенный у отличного асфальтированного шоссе Луцк—Владимир—Волынск, состоит из двухэтажных домов самого современного вида — широкие, во всю стену окна, удобные, светлые, отделанные пластиком и лакированным деревом помещения.

Здесь расположились правление колхоза «Комсомолец», сельский Совет, средняя школа, детские ясли на сто мест, магазин, аптека, медицинский пункт с прекрасно оборудованными физиотерапевтическим и зубным кабинетами, строится универмаг и перестраивается дом культуры, зал которого (700 мест) уже не вмещает всех желающих.

Венчает административный центр гранитный обелиск, возведенный над могилами советских воинов, павших у Березовичей в первые часы нападения гитлеровцев на нашу страну, а также односельчан, погибших в годы Великой Отечественной войны. Среди них, под тяжелой плитой черного гранита, покоится прах командира дивизии генерала Алабушева, героически отстреливавшегося до последнего патрона от окруживших его фашистов.

Жилые дома — к ним ведет асфальтированная дорога, переходящая в улицу,— стоят поодаль, чтоб их обитателям не мешал шум проносящихся по шоссе машин. Дома — кирпичные, с веселыми черепичными кровлями — собственной председательской архитектуры. Далеко не всякая московская квартира может тягаться с березовичскими. В каждой из них на семью из трехчетырех человек четыре-пять комнат с широкими, светлыми, трехстворчатыми окнами. В каждой — центральное отопление, газ, канализация и водопровод, не говоря уж об электричестве, которое горит у нас повсюду. Полы, в зависимости от вкуса хозяев, паркетные, крашеные или покрытые линолеумом. А в санузлах и ваннах—керамическая плитка. В каждом доме — отличная застекленная зимняя терраса, кладовая, встроенные шкафы. О внутреннем убранстве я не говорю: тут все зависит от вкуса и привычек обитателей. Однако доходы колхозников таковы, что у всех современная полированная мебель, и телевизор новейшей марки, и стиральная машина, и радиоприемник...

Дворики, прилегающие к домам, тоже не имеют ничего общего с обычным приусадебником. Нет привычного плетня — его заменила легкая и элегантная загородка из металлической сетки, отгораживающая от улицы непременный цветник и сад. Кое-где есть и огород, хотя главный огородный массив, выделяемый в индивидуальное пользование колхозникам, отводится в общественных угодьях. Около домиков, с тыльной их части, расположен хозяйственный двор с добротным каменным сараем для скотины и фуража и обязательной летней кухней.

Но и «Комсомолец», хоть это один из лучших наших колхозов,

далеко не единственный. Такие же или похожие условия жизни — в колхозе имени Ленина, в селе Любитов, Ковельского района, в колхозе имени Кирова, в селе Боблы, Турийского района, в колхозе «Заповiт Ленiна», в селе Лыще, Луцкого района, и во многих других.

Вместе с бытовым укладом изменилась сама психология полесского крестьянина, сам строй и содержание его жизни.

По совести сказать, перелома в психологии людей удалось добиться не сразу. В том же «Комсомольце», когда по инициативе председателя начали строить новые дома, охотников переселиться в них не оказалось! Старая крестьянская психология—привязанность к своему хутору, к отрубу, к старому жизненному укладу — не выпускала человека из своих цепких лап. И Герасимчуку пришлось немало побиться, уговаривая первого переселенца — Василия Антонюка — бросить свою старую хату и переселиться в новый дом. Зато, когда на первой улице новых Березовичей выросло несколько домов и люди увидели, как живут переселенцы, в правление колхоза хлынул поток заявлений. И тогда обрадованный председатель предложил назвать одну из улиц именем Победы — в честь победы над старым укладом и старой хуторской психологией...

Теперь в новых Березовичах сто великолепных, благоустроенных домов, расположившихся на пяти улицах. Сейчас заканчивается строительство на будущей центральной улице Ленина.

Я много говорил о том, какие изменения произошли в жизненном укладе волынского крестьянина. Мне хотелось сравнить его жизнь со старой и показать, сколь велики достижения партии коммунистов и Советской власти именно в нашей области. Ведь до того, как народ взял власть в свои руки, была наша область крестьянской, аграрной, почти лишенной промышленности. Но за годы, прошедшие с той памятной осени тысяча девятьсот тридцать девятого года, многое изменилось. В волынский пейзаж ныне вписываются новые города и рабочие поселки, терриконы шахт, корпуса заводов и фабрик, линии электропередачи. При Советской власти у нас созданы неслыханные для нашего края новые отрасли промышленности — угольная, автомобильная, приборостроительная, электротехническая, сахарная. Продукцию волынских предприятий теперь знают не только в нашей республике и стране, но и во многих государствах мира. Только приборостроительный завод в областном центре Луцке поставляет продукцию сорока иностранным государствам и фирмам.

Целый новый город Нововолынск, составляющий ныне нашу гордость, и девять оснащенных самым современным оборудованием шахт вокруг него выросли среди пшеничных полей и хуторов в послевоенные годы.

В создании промышленности, в воспитании и обучении рабочих нам помогли и помогают братские народы нашей страны — России, Грузии, Армении, Белоруссии... Это еще одно свидетельство торжества ленинской национальной политики, великой дружбы наших народов.

* * *

Зимой 1965 года мне был задан вопрос:

— Ну, как там, на Украине? Бедуют дядьки?

Разговор происходил в Нью-Йорке. Наша делегация деятелей советской культуры встретилась с группой эмигрантов, в разное время покинувших Украину. Одни из них бежали вместе с куренями Симона Петлюры еще в гражданскую. Другие, опасаясь расплаты за содеянные преступления, отбыли за рубеж вместе со своими хозяевами — гитлеровскими захватчиками.

И мы, конечно, заранее знали, что разговаривать нам придется с ярыми врагами. Собственно, они этого и не скрывали. Открывая встречу, председательствующий сразу объявил:

— Вам, шановни добродии и добродийки, придется иметь дело с так называемыми украинскими буржуазными националистами...

Но мы знали и другое: наши слова услышат и многие обманутые, замороченные лживой пропагандой «свободного мира» украинцы. Те, которые отчалили от родных берегов еще до революции или до воссоединения всех украинских земель в сентябре тридцать девятого, спасаясь от голодной смерти, в поисках хлеба и доли. И те, кого злая военная судьба толкнула в лагеря «перемещенных лиц» и кого американские и английские «специалисты» по украинским делам ухитрились убедить, будто всех немедленно по возвращении на Родину упекут в Сибирь...

Ради них, обманутых, дезинформированных и жаждущих узнать правду о родной Украине, мы и пошли на ту встречу.

Мы заранее знали, что бой выиграем. Ведь мы были вооружены фактами и цифрами. Мы были вооружены подробностями той небывалой жизни, что расцвела нынче на Украине. И нам было нетрудно опровергнуть вздорные утверждения наших противников, будто на Советской Украине детям запрещают учиться на родном языке, что в колхозах обобществлены женщины, а на заводах нет ни единого инженера-украинца.

Что могли возразить они, украинские буржуазные националисты, когда мы сообщили, что нынче в одной только Волынской области действует 172 средних школы и 372 школы-восьмилетки, не говоря уж о начальных, тогда как при буржуазном строе во всем Волынском воеводстве было всего 25 средних школ! А ведь в это воеводство входили, помимо Волынской, еще и Ровенская и часть Тернопольской областей! Что им было возразить, когда мы называли имена знаменитых на всю страну украинских доярок, токарей, известнейших ученых, писателей, артистов, государственных деятелей, полководцев... Что, наконец, было им возразить, ежели мы сами, выходцы из народной гущи, из некогда забитых волынских селян, были перед их глазами...

Своей цели мы достигли: многим из тех, кто живет за рубежом, наши рассказы о жизни на украинской земле, что называется, раскрыли глаза. К каждому члену нашей делегации приходили множество украинцев-эмигрантов, подробно расспрашивали о том, что происходит в родных селах и местечках, допытывались о родных, разводили в изумлении руками, когда узнавали, что какой-нибудь знакомый селянин стал механизатором, избран депутатом в Совет или награжден орденом. А кое-кто с оглядкой — как бы не приметил недобрый глаз — просил помочь возвратиться.

Некоторые из них вернулись на Украину, живут в родных селах и городах. Многие приезжали погостить и увидеть собственными глазами все то, о чем мы поведали.

Вот одна из записей, оставленная в колхозной книге почетных гостей Юрием и Ганной Кренцами — украинцами из Канады, приехавшими к нам, на Волынь, проведать родных.

«...Если б не видели собственными глазами, мы никогда б не поверили в это. Мы сами выросли на Волыни, в сельской семье, знаем, как горек был селянский хлеб при царе и при польской шляхте. За годы Советской власти наши братья и сестры стали настоящими хозяевами своей земли и судьбы. То, что мы видели собственными глазами, в сотый раз нас убедило, что наш народ и народы мира найдут свое счастье, если будут идти путем, указанным великим Лениным...»

Зато в стане «идеологов» украинских буржуазных националистов поднялся страшнейший переполох. Бывшие «батьки», куренные атаманы, сотники и даже птицы покрупней — члены так называемого Центрального Провода ОУН [1] — перегрызлись меж собой, стали обвинять друг друга в пре-

Сентябрь, 1939 год.

Так выглядели улицы белорусского городка Молодечно в день, когда на них вступили войска Красной Армии.

Первые часы встреч... Многое слилось в них воедино. И радость оттого, что свершилась давняя мечта о воссоединении с родной землей, с родным народом в единой свободной Белорусской Советской Социалистической Республике. И счастье, что ушли наконец в прошлое постоянные спутники капитализма — гнет, нужда, страх. И прекрасное ощущение равенства с этими вооруженными парнями.

И вместе со счастьем и радостью пришло желание поскорее узнать, что же происходит на ставшей отныне родной бескрайней земле Союза Советских Социалистических Республик.

Поэтому и протянулись десятки рук к свежим номерам «Правды», только что доставленным советскими воинами...

Фото Виктора ТЕМИНА.

[1] ОУН — так называемая Организация украинских националистов.

дательстве, в том, что те или иные «переметнулись» на сторону большевиков.

Что ж, этот переполох — явление вполне закономерное. За тридцать лет, которые прошли с тех пор, как все украинские земли были воссоединены с Советской Украиной, изменения, происшедшие в республике и особенно на землях западных областей, выбили всякую почву из-под антисоветской пропаганды украинских буржуазных националистов, лишили эту пропаганду слушателей.

Даже в первые два неполных года — со дня освобождения в сентябре тридцать девятого до нападения на нашу страну гитлеровской Германии — народ западных областей Украины успел почувствовать вкус свободы и бесповоротно пошел за партией коммунистов, за Советской властью.

В самые черные дни фашистской оккупации на Волыни, Львовщине, Ровенщине возникли большие и малые партизанские отряды и группы, почти в каждом селе, и в каждом местечке, и городе действовали подпольные комсомольские и партийные организации.

В сущности, новую жизнь здесь, в западных областях Украины, мы начали строить не сразу после гитлеровской оккупации, а лишь спустя некоторое время. Сначала требовалось восстановить села, города, выжженные и разрушенные гитлеровскими захватчиками, одолеть голод и разруху — неизбежные спутники войны. Сначала требовалось ликвидировать банды, организованные на гитлеровские, а затем и на американские денежки теми самыми респектабельными «добродиями», которые беседовали с нами в Нью-Йорке... И лишь затем приступать к великим преобразованиям, которые столь явственно проступили ныне на землях западных областей Украины.

Да, срок, отпущенный нам историей, оказался невелик — не более восемнадцати лет из тех тридцати, что прошли с памятного сентября, когда Красная Армия, выполняя свой интернациональный долг, вступила в западные области Украины, когда сбылась мечта полищуков о воссоединении с родной республикой.

Тем разительнее перемены, происшедшие на нашей земле. Тем явственнее необыкновенные изменения в умонастроении людей, которые почувствовали себя хозяевами своей судьбы, своей земли и живут общими интересами нашего великого государства.

Эту всеобщую государственную заинтересованность во всех делах и событиях, эту высокую интернациональную сознательность могла воспитать лишь партия коммунистов, вдохновляемая неувядающими идеями Ленина.

Есть нечто символическое в том, что в преддверии столетнего юбилея Владимира Ильича мы отмечаем тридцатилетие воссоединения украинских земель с Советской Украиной. Тридцатилетие торжества ленинского дела на освобожденной земле.

Много лет позади у Микиса Энглинса, много бурь.

Н. ХРАБРОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

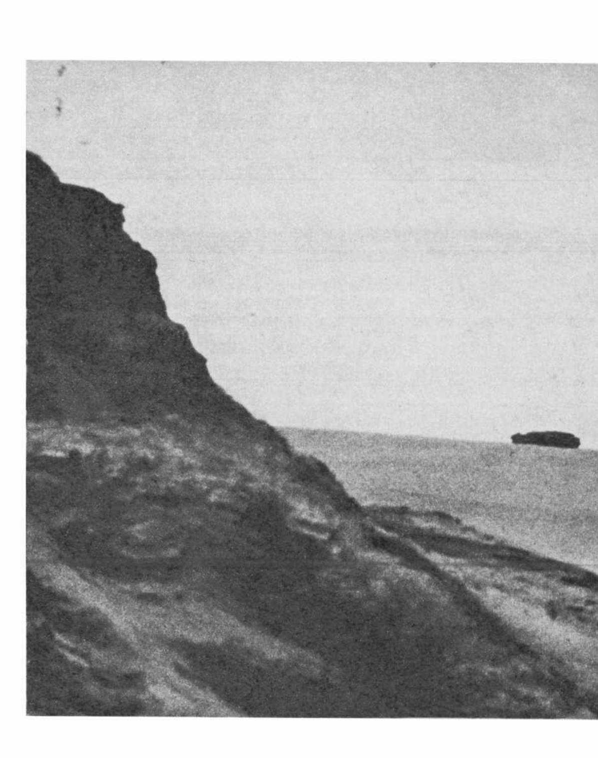
Но сначала о граните. Он был найден на дне Куршского залива, поднят на землю и установлен у дороги, в том месте, где 28 января 1945 года высадился советский морской десант. Немцы дрались отчаянно: здесь проходила последняя дорога для отступления. Десантники Василий Фомин, Иосиф Лапушкин, Андрей Портянко, Василий Владычев, Александр Кулик, Иван Полозков, Михаил Харин стали тут в последний день своей жизни Героями Советского Союза. Много лет прошло, и литовский скульптор Вертулис высек из куршского гранита лицо солдата. Мимо памятника летит отвоеванная им жизнь — с дождями и солнцем, с работой и отдыхом на теплом, блистающем крупицами янтаря песке.

Так начинается Куршская коса.

Ночью за широким незавешанным окном в небесной черноте горела Большая Медведица. По ковшу Большой Медведицы, по макушкам сосен и ольхи стремительно носились два прозрачных светящихся крыла. Это маяк Нидден светил тем, кто в море. Он погас на рассвете, и сразу в светло-молочной воде залива заполыхала солнечная дорожка и рыбачьи боты, по-местному доры, ушли на утренний лов.

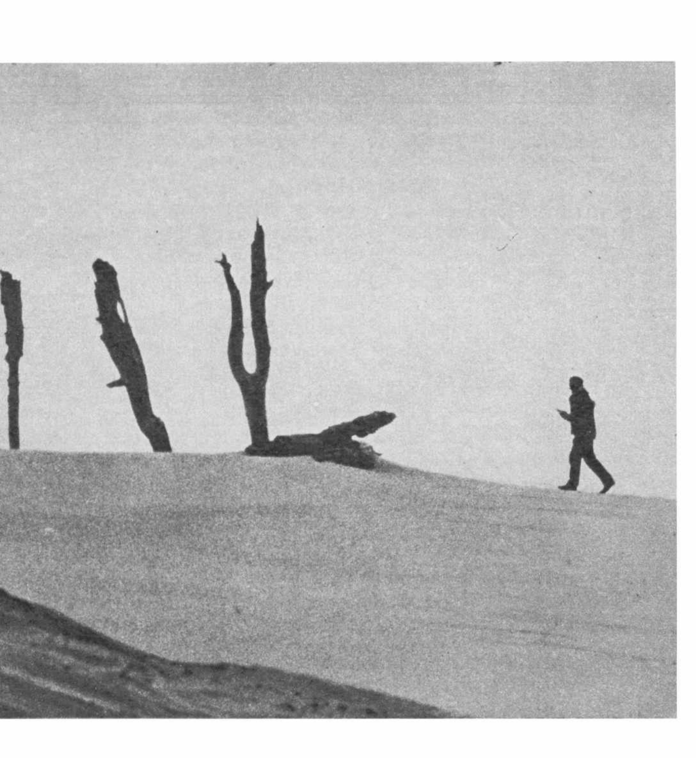
Проснулся городок у залива, Небольшой, уютный, яркий и раз-

ГОР

Утро в Юодкранте.

СТЬ ЯНТАРЯ

Когда отступают дюны.

ный. Усадистые дома рыбаков под черепичными крышами. Дачи современной постройки. Высокие белые здания с синими и желтыми балконами — дома отдыха. Это Нида, столица Куршской косы.

А за Нидой — дюны. Высокие безмолвные холмы спрессованного ветром и морем песка торжественны и красивы колдовской, чуть даже пугающей красотой. В розовом рассвете они мерцают светло-оранжевым, светло-желтым, светло-палевым. Потом, когда солнце поднимется выше, дюны станут почти совсем белыми. Утренний ветер пролетит над ними и оставит на песке тонкую рябь.

Столетиями грохотало и пело тут море, намывая песок к продолговатому островку, пока не уплотнилась коса. Однажды в начале весны, в низине, где песок был тих, неподвижен и темен, появился первый росток первой липы. Исследования говорят, что четыре тысячи лет назад здесь росли лиственные леса — до тех пор, пока пески не просохли, не двинулись, пока не погасили зелень.

Много столетий прошло, и вот приплыли сюда на грубо вытесанных лайбах курши, измученные нашествиями крестоносцев. Может быть, на первой лайбе развевалось знамя с надписью: «Бог куршей, прогневайся на наших опустошителей. Покарай их...» Пришельцы построили на песке большие низкие дома, покрыли крыши грубым тростником и украсили их высокими деревянными коньками. И теперь еще стоит на косе Неринге пятьдесят таких домов, только уже обшитых тесом, выкрашенных в желтый или светло-коричневый цвет с яркими сине-белыми карнизами, наличниками и коньками. В таком стиле построен и домик Томаса Манна. И, наверное, хорошо писалось ему в тишине, на зеленой дюне, высоко над морем. Без этих, пришедших к нам из древности домов, с чер-

тами своеобычной народности и сказочности, не была бы Неринга полна такого очарования.

И Нида была бы иной, если бы в центре ее, в старом рыбацком доме, не жил старый курш Микис Энглинс. Отец его, Микис Энглинс-первый, когда-то давно, в десятилетнем возрасте, вышел в море и жил долго. Микису Энглинсу-второму нынче под девяносто лет, рыбачил он тоже чуть не восемь десятков лет, а теперь уж в море не ходит, только провожает сына, Микиса Энглинса-третьего. Да невысокие яблоньки подбеливает по весне, сирень подстригает и трубочку покуривает. А еще любит дед рассказывать приезжим разные истории. В нем еще живут воспоминания отца о бедствиях, перенесенных Нидой и несколькими рыбачьими деревнями от дюн.

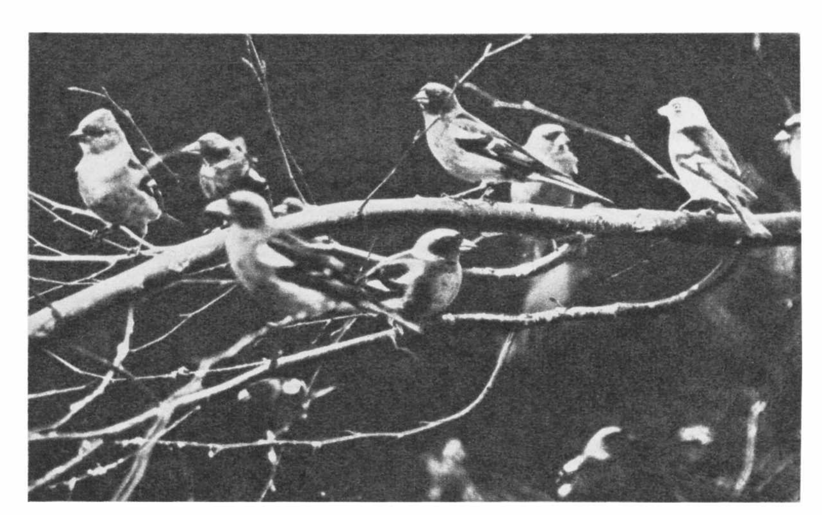
Время от времени не закрепленные тогда еще дюны снимались с места и медленно и неотвратимо надвигались на дома. Теперешняя Нида стоит уже на третьем месте. Больше ста лет назад первым человеком, вступившим в единоборство с миллионами тонн кочующего песка, был почтарь Кувертас. Чтобы защитить от песка пыльную и ухабистую почтовую дорогу, он стал сажать по ее обочинам сосны. Память Кувертаса чтут на Неринге, сторожевые сосны его стали лесом, и гладенько течет в этом лесу ровная лента асфальта. Лес этот называют тут танцующим. И в самом деле, накренясь от моря, он действительно словно бы танцует какой-то напряженный танец. Это военный танец. С первого крохотного ростка лес непрерывно воюет с морским ветром. Деревья так широко и устойчиво распустили под землей могучие корни, что пески спасовали, успокоились и перестали метаться.

Видно, очень любили жители косы свои пески и свои воды, что не ушли от них, но совершили ради них работу титанов. Сто с лишним лет насаждали они леса и устраивали защитную дюну со стороны Балтики — укрепляли кольшками песчаный вал, а колышки оплетали лозой. И так на всех девяноста семи километрах косы. И так каждый день и поныне. Она ведь совсем по-особому создана природой, эта Неринга, и красота трех могучих стихий — моря, песка и ветра—на самом деле хрупка и непрочна. Поэтому и объявлена Куршская коса государственным заказником с самым строгим режимом. Приезжать сюда можно только по пропускам. И с восхода до заката мелькает по косе инспектор Талейкис. То пешком, то на мотоцикле, он вырастает словно из-под земли.

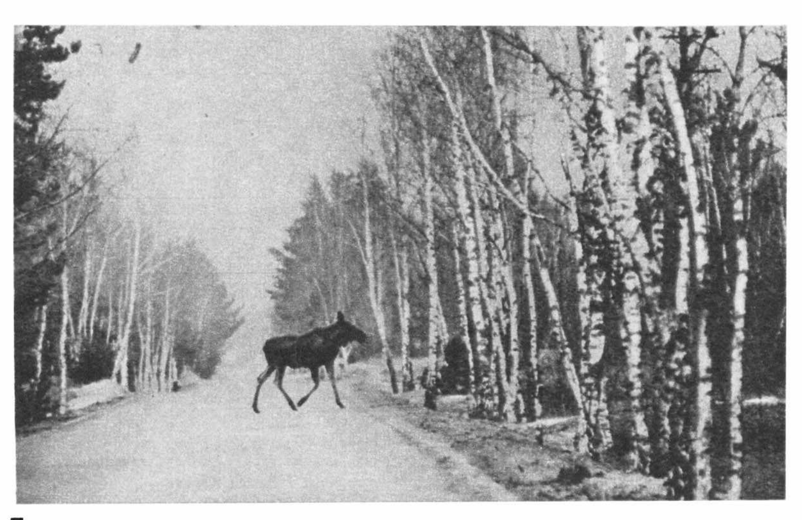
Жизнь у разных лесных и песчаных обитателей заказника тут спокойная. Красивые бесстрашные лоси выходили на вырубки, грызли кору молодых рябинок, чем ужасно сокрушали Талейкиса: с одной стороны, лосей нельзя пугать, с другой — рябинки охранять надо. Пластичные, как молоденькие балерины, косули прыгали в зарослях, и, полыхая хвостами, проносились лисы. Кабанов мы не видели, хотя и их много на косе, но господь с ними, с кабанами, куда приятнее было следить за полетом лебединых стай над заливом и слушать их гулкое, с придыханием, гуканье. Под

Был трудный бой у десантников... Прошли десятилетия, и литовский скульптор Вертулис из камня, поднятого со дна Балтийского моря, создал памятник героическому десанту.

Петь надо учиться с детства.

Прогулка на рассвете.

Рыбец по-куршски.

Юодкранте стояли в камышах гейши — так называют здесь серых цапель. Иногда гейши вздрагивали и быстро ныряли под воду. Встреч с разными зверями в тот день было так много, что мы заподозрили Талейкиса в сговоре с ними: наверное, спозаранку попросил их выйти поближе к дороге и показаться. Талейкис не отрицал, он только посмеивался и предсказывал:

— А вот сейчас выйдут на дорогу кулики.

И изысканно оперенные, аристократичные кулики небрежно выходили на асфальт и делали вид, будто ищут что-то.

Потом мы побывали в гигантских сетях «Фрингиллы». «Фрингилла» — это латинское родовое название зябликов и вместе с тем название биологической станции. В колышущиеся над лесом, высокие сети ненадолго попадаются разные вьюрковые — маленькие веселые птички, а также мрачные ястребы-тетеревятники и ястребы-перепелятники. По ночам в ловушки заходят рассеянные совы. 450 тысяч птиц окольцовано за десять лет существования станции, и каждый день прилета и отлета вносит свою капельку-дольку в познание миграции птиц, а попросту говоря, в непонятное их стремление вернуться хотя бы на три месяца в холодные родные края, чтобы именно здесь вылупились и научились летать птенцы.

Десятки видов разной хорошей рыбы живет в заливе: угорь, судак, рыбец, щука, окунь, налим, сиг и прочие, помельче. Во время путины воздух над косой пропитан запахами копченостей и маринадов. Во время путины — в холодное и ветреное время ранней весны и поздней осени — ночи в домах рыбаков коротки, и бесконечно долги дождливые, штормовые, но зато богатые рыбой дни в море. Трудные дни.

Рыбацкий выходной. Люди не стали отдыхать и, как всегда, на рассвете ушли в море: начиналась путина. Оставшиеся же на берегу провели тот день так: с утра перешли из Юодкранте через косу на Балтику поискать лосося, потому что они не только рыбаки-профессионалы, но и рыбаки-любители...

И так как это было в начале путины, то вовсю работал и самый новый, самый богатый дом в Ниде. В одной из комнат кто-то басовито плакал, в другой четко читали стихи, а в третьей, рассевшись у широких окон, пели. Все это происходило в детском комбинате, про который заведующая его Аушреле Бархатова сказала, что в нем еще много свободных мест, потому что строился он с перспективой на увеличение населения.

Под Юодкранте, у костра, рыбаки насыпали мне в горсть янтарь, вынесенный ночью на берег холодной балтийской волной. «На память о Ниде»,— сказали они. Я привезла камушки домой, высыпала в деревянный башмачок — кто не привозил из Литвы этот сувенир! Солнце забирается в самую сердцевинку янтаринок, блестит и переливается в желтой теплой прозрачности. И это напоминает Нерингу: памятник героям десанта и песенку в детском саду, светлые пески дюн и рыбачьи лодки за солнечной дорожкой, непуганых зверей в танцующем лесу и всю заповедную красоту косы.

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ТВОРЦЫ И БУДУЩЕЕ

ГОВОРЯЩЕЕ СЕРДЦЕ АФРИКИ

Однажды в Мали, на окраине Бамако, возвращаясь поздним жарким вечером в гостиницу и мечтая об искусственной прохладе кондиционера, я услышал где-то невдалеке звук тамтама. Пошел на этот звук, петляя по пустынным немощеным улочкам, среди слепых, без окон, глинобитных стен. Страстная, зовущая музыка Африки неотвратимо тянула к себе, прорываясь сквозь душную темень, и, в последний раз выбравшись из какого-то тупика, я обогнул угол и шагнул на небольшую площадку среди низеньких домов.

На площадке стоял грузовик с включенными фарами, вокруг которого плотной толпой сгрудилось несколько десятков человек. Кто-то, заметив гостя, хотя и незваного, отступил в сторону, давая дорогу, кто-то легонько подтолкнул в спину, приглашая пройти вперед, и я очутился в первом ряду человеческого круга, освещенного голубым электрическим светом.

В центре круга танцевали двое — юноша и девушка. Он был одет в шорты и рубашку, которая была расстегнута, на девушке была коричневая с черным юбка «пань» — кусок ткани, обматываемый вокруг бедер,— и такая же кофточка с оборками у пояса. Музыкант, стоя, зажав коленями длинный, похожий на широкую трубу тамтам, зажмурив глаза и откинув в сторону голову, как бы прислушиваясь к чему-то идущему сверху, выбивал узловатыми пальцами ритм танца. Подчиняясь их движениям, тамтам то выговаривал звуки прерывисто, как затаенную страсть, то рассыпал дробь, похожую на стон, то издавал удары резкие и быстрые, будто бы внутри него учащенно билось человеческое сердце.

Юноша и девушка танцевали, оборотившись лицами друг к другу и почти оставаясь на месте. Но каждой частицей своих тел, каждой клеточкой они жили в ритме танца. Их босые ноги находились в беспрерывном движении, выбивая из сухой, затвердевшей земли тонкую голубую пыль, стелившуюся понизу, и казалось, что танец свершается в воздухе. Руки резко взлетали вверх, как призыв, и в изнеможении падали вниз. Тела, не соприкасаясь, изгибались в одинаковом причудливом рисунке, и эти изгибы словно наполняли мелодией постоянно меняющийся ритм.

Потом звуки тамтама стали глухими и тревожными, и в такт им юноша и девушка стали опускаться ниже и ниже и оказались на коленях друг перед другом. Их тела продолжали изгибаться, но теперь медленнее и четче. Девушка, раскинув руки, стала отклоняться корпусом назад и почти коснулась затылком земли. Юноша повторял ее движения, наклоняясь вперед. Затем наступила его очередь медленно откинуться назад к земле, и девушка нагибалась над ним.

Вдруг тамтам опять зазвучал резко и быстро, пружиной распрямились танцующие, снова замелькали ноги над голубой пылью, развевались полы расстегнутой рубахи, и кусок коричнево-черной ткани бился вокруг девичьих ног...

Не помню, как долго продолжался этот танец. Завораживающие движения, колдовской ритм заставили забыть и время и духоту ночи. Красота этого зрелища, целомудренная и изначальная, простая и изысканная одновременно, была как свежее дыхание ветра.

Это было давно, лет девять назад. Потом пришлось ближе узнать африканское искусство. Я смотрел выступления ансамблей разных стран Африки, но увидеть повторение этого танца не пришлось. Мне сказали, что там, на окраине Бамако, справляли свадьбу. Не знаю, был ли тот танец традиционным, пришедшим из глубины времен, или это была просто импровизация. Но первая встреча с африканским искусством осталась в памяти яркой и праздничной.

Искусство Африки во всех его выражениях — в музыке, в танце, в традиционной скульптуре — свидетельствует об огромном таланте его творцов. Сейчас нет нужды доказывать богатые традиции и эстетическую ценность его. Достаточно открыть любую книжку по африканскому искусству, чтобы узнать о древней цивилизации Нок, относящейся еще к первому тысячелетию до нашей эры, от которой сохранились глиняные фигурки, о раскопках у озера Чад, обнаруживших так называемую культуру Сао XVI века, о бронзе Ифэ и Бенина, о деревянной скульптуре Западной Африки — о всем том, что сейчас вошло в художественный фонд человечества и стало предметом изучения. Но так было не всегда.

Один французский исследователь скульптуры Африки пишет: «Странная судьба у этого африканского искусства! Сначала вызывавшая любопытство, затем презираемая, объявленная этнографическим документом, потом провозглашенная некоторыми современными художниками источником вдохновения, ныне в конце концов ставшая предметом поисков любителей, число которых все время растет, африканская скульптура пережила за пять веков самое разное отношение к себе, прежде чем вошла в эстетический пантеон нашего времени».

История отношения к африканскому искусству, впрочем, не покажется странной, если иметь в виду историю колонизации Африки. Что, кроме презрения, могло вызывать у работорговцев африканское искусство, если на самих его создателей смотрели только как на рабочий скот! А когда Западная Европа стала превращать африканские земли в свои владения, потребовалось изучать населяющие их народы, изучать, конечно, для того, чтобы уметь держать их в повиновении. И тогда африканское искусство стало предметом этнографии.

Свое настоящее место искусство Африки стало занимать, когда африканские народы твердо и недвусмысленно заявили о решимости освободиться от колониальных оков.

Ныне африканское искусство от имени прошлых поколений и от имени живущих говорит с миром в полный голос. Кто станет отрицать, что африканская музыка внесла свой вклад в «музыкальную шкатулку» мира? Кто увидит «примитивизм» в бронзовых скульптурах Бенина или не поймет немой язык африканского танца, выражающий извечные человеческие чувства? Лишь люди, отставшие от времени, мыслящие категориями «золотого века» колониализма, еще надеющиеся, что история повернет вспять, подвержены этой слепоте.

А искусство Африки — говорящее сердце континента — раскрывается перед каждым, кому дорога история человечества и его будущее, кто осознает неразрывную связь судеб народов, кто умеет ценить красоту во всех ее бесконечных формах.

ОТ ДАКАРА ДО АЛЖИРА

Недавно в Алжире, в дни, когда там шел Первый всеафриканский фестиваль культуры, я встретился с итальянским священником. Гренадерского роста, с заметным брюшком, с круглым румяным лицом, на котором лопаточкой росла седоватая бородка, подвижной и веселый, он совсем не походил на человека, облеченного духовным саном. За обедом, подливая в свой стакан доброго алжирского «розé», он приговаривал:

— Мы в Италии, знаете ли, не можем без вина. Глоточек ведь не испортит настроения, а?

И вкусно улыбался полными губами.

Впрочем, жизнь у него не была такой уж легкой. Большую ее часть он провел на миссионерской службе, не в Африке, правда, а в Азии, а как известно, миссионерам «во славу христову» и в интересах укрепления европейского влияния на отсталые страны приходилось там не всегда сладко. Теперь несет свою службу по-иному — издает журнал, посвященный, как он сказал, «проблемам третьего мира». К сожалению, с его журналом познакомиться не удалось. Я только уточнил:

— Журнал католического направления?

— Мы хотим помочь разобраться в проблемах «третьего мира». Ну, конечно, со своей точки зрения. С точки зрения христианства.

Поговорили о фестивале, установили, что нам обоим нравится африканское искусство, и тут я, предпочтя откровенность политесу, задал вопрос, желая получить откровенный ответ:

— А не трудно ли сейчас вам работать? Вот здесь, в Алжире, мы с вами любуемся африканским искусством, самобытным и оригинальным, которое создано народами со своим укладом жизни, со своими нормами бытия, со своей религией, наконец. А ведь христианство шло в Африку, провозглашая войну здешним обычаям и культам. Вспомните, как уничтожалась такая же самая скульптура, которая сейчас выставляется в музеях...

И итальянец ответил:

— Вот именно! Я, может быть, отличаюсь

во взглядах от других. Я всегда считал, что христианство нужно сочетать с местными обычаями. Было сделано много неверного — слишком строги были те, кто нес христово слово. Слишком...

Он сказал «сочетать», а не «приспосабливать». Он предпочел именно это слово. Но в конце концов дело не в словах. И хотя я не склонен считать моего знакомого католического священника прямым агентом неоколониализма — бог его знает, может быть, этот жизнерадостный святой отец и впрямь искренне верит в свои фетиши,— он все-таки выразил, вольно или невольно, тактическую линию не только христианских миссионеров, но и общего идеологического наступления Запада на Африку.

Африка не та, что прежде, и требуется приспосабливаться к новым условиям. Цели у вчерашних хозяев Африки остались прежними, а вот методы приходится менять.

Но не так-то просто делать это теперь, когда Африка все яснее осознает свое место в мире, свою историю и пути в будущее. Процесс самопознания африканских народов проявляется и в отношении к своей культуре.

За последнее время в этой области произошли два больших события. В 1966 году в Дакаре состоялся Всемирный фестиваль афро-негритянского искусства. В этом году Алжир принимал у себя участников уже упомянутого мной Первого всеафриканского фестиваля культуры.

Такие смотры, проводимые в масштабе целого континента, весьма знаменательны. Прежде всего потому, что это отражает сознание африканскими народами своего единства, или, точнее, их стремление к единству, которое основано в конечном счете не на расовой общности, а на сходстве исторических судеб. Перед африканскими народами, испытавшими гнет колониализма, стоят одинаковые задачи и в экономическом развитии и в развитии культурном.

Дакарский и алжирский фестивали были и похожи и непохожи друг на друга. Конечно, там и тут было широко представлено африканское искусство. В алжирском Музее изобразительных искусств, как и в дакарском музее «Динамик», были собраны из разных стран великолепные маски, деревянная скульптура, бронза, которыми можно было любоваться до бесконечности. Лучшие художники современной Африки присылали на эти фестивали свои работы, демонстрируя, что не иссякли таланты на африканской земле. И в Дакаре и в Алжире до глубокой ночи гремели тамтамы, звучали африканские мелодии, и на всех больших сценах шли представления африканского балета и спектакли африканского театра.

Но и различий было немало. Дакарский фестиваль был отмечен серьезным разговором о проблемах африканского искусства. Этот разговор, безусловно интересный для специалистов, шел как-то в отдалении от политических проблем Африки. Помню, как в Дакаре знакомый сенегальский писатель только махнул рукой, когда я спросил его об итогах фестиваля.

— Ничего не сказано о том, что мучает Африку, ничего о том, что и кто ей угрожает,— сказал он.

Но фестиваль в Дакаре и при том направлении, которое ему было задано, ярко и убедительно раскрыл творческий гений Африки, показал, как талантливы ее народы. В Дакаре, может быть, впервые в истории, мир так широко увидел Африку творящую. И это было утверждением способностей ее народов к созиданию, в чем так долго отказывали им колонизаторы.

За три года после Дакара немало воды утекло в африканских реках и немало событий произошло на их берегах. Острее стали проблемы, яснее определились враги, политический опыт трехлетия не прошел даром. И в Алжире царил боевой дух, далекий от академических дискуссий.

Фестиваль в Алжире был устроен по решению Организации африканского единства. И это само по себе уже определяло его направление. Новым по сравнению с Дакаром было участие национально-освободительных движений. В праздничную атмосферу Алжира ворвалось дыхание боев, которые ведут против португальских колонизаторов народы Анголы, Мозамбика и Гвинеи, донеслись отголоски борьбы патриотов Южной Африки и Родезии, у которой есть уже свое, африканское имя — Зимбабве, которое, конечно, рано или поздно заменит изобретенное чужеземцами название, хранящее недобрую память об «отце колониального разбоя» Сесиле Родсе. Как писала алжирская печать, на фестивале была представлена Африка освобожденная, Африка борющаяся, Африка, еще томящаяся в застенках. Но это была одна Африка, твердо решившая быть полностью и навсегда свободной.

Нет, нелегко будет «сочетать» неоколониалистские цели с этой решимостью.

Поет Мириам Макеба.

ВЫБОР ПУТЕЙ

Журналистская жизнь — дороги да встречи. Иной раз пролетит незаметно дорога, и не запомнишь ни лица, ни разговоры, но навсегда останется в памяти человек, если он помог тебе, открыл для тебя новое, подарил тебе частичку своей души. Такой была давняя встреча с Мохамедом Ламином Сиссе, журналистом из Мали, который когда-то открыл для меня свою страну, да так, что до сих пор кажется она самой интересной страной в Африке.

В Алжире Ламин узнал меня первым. Он ухватил за руку, когда я проходил мимо, и, хитро улыбаясь, сказал:

— Люди, пившие из одного источника, не должны забывать друг друга.

Обнялись. А потом я узнал, что обнял уже не журналиста, а директора национального музея в Бамако, который приехал в Алжир как глава подготовительной комиссии по созданию Ассоциации африканских музеев.

Ламин рассказал о задачах этой ассоциации. Он увлеченно говорил о том, какие интересные экспозиции можно устроить в африканских музеях, как много надо еще собрать сохранившихся предметов африканского искусства, пожаловался, что много ценного уходит за пределы Африки, а потом, вздохнув, сказал:

— Знаешь, у нас многого нет. Сколько грабили Африку! Надо сделать так, чтобы наше искусство вернулось к нам снова.

Да, я знал об этой затаенной мечте многих африканцев. Если полистать альбомы, в которых собраны изображения шедевров искусства Африки, то в примечаниях увидишь главным образом названия музеев и имена частных коллекционеров Западной Европы и Америки. Сколько таких шедевров попало в чужие страны не в результате естественного культурного обмена, а просто потому, что Африка, разорванная на колониальные уделы, не могла защищать свое искусство!

Надо сделать так, чтобы они вернулись на родину... Это уже звучало как осознанная необходимость, как требование своих прав, как цель.

И в этом было новое по сравнению с Дакаром.

Африка ищет пути в будущее. И она все глубже понимает, что идти вперед она может, лишь восстановив свое достоинство. Тогда не нужно будет подлаживаться под походку прежних колониальных господ. Тогда свободнее будет выбор путей. Вот что, как мне показалось, я услышал в словах Ламина, говорившего о частном вопросе африканской культуры.

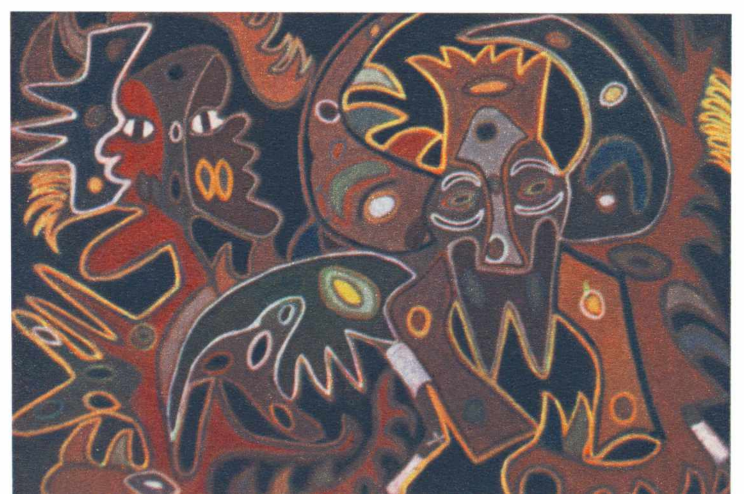
Во время Алжирского фестиваля работал симпозиум, посвященный культуре Африки, в котором участвовали делегации стран континента и ученые-африканисты. На этом симпозиуме шла речь о прошлом африканской культуры, о ее настоящем и ее будущем. Итогом работы симпозиума был «Панафриканский манифест культуры» — документ, пронизанный гордостью за Африку, призывающий к развитию африканской культуры, определяющий задачи культурного прогресса африканских стран.

В этом документе было сказано: «Для африканских стран, которые стали свободными, и для тех, которые находятся в состоянии вооруженного конфликта с силами колониализма, культура была и остается оружием борьбы».

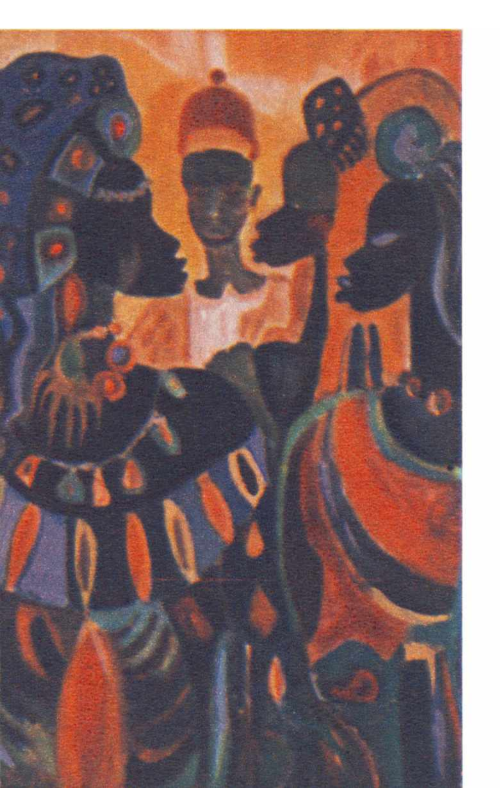
В ходе симпозиума было высказано немало точек зрения на то, как должна развиваться культура Африки. Появилось на свет даже словечко «меланизм», прозвучавшее в выступлении представителя Дагомеи. Это слово обозначало призыв замкнуться в узкие расовые рамки, противопоставить всему окружающему миру особое сообщество людей, объединенных по цвету кожи. Выглядело это повторением старых теорий об «особых» свойствах души черного человека, о его «особом» предназначении.

В «Манифесте» этот призыв не нашел отражения. «Манифест» провозглашал, что африканская культура должна найти свое выражение в «братском и живом гуманизме, далеком от расизма и эксплуатации человека человеком».

Эти фотографии сделаны в Алжире во время Первого всеафриканского фестиваля культуры. Они показывают празднично украшенный город, выступления танцевальных ансамблей, традиционное искусство Африки и картины современных африканских художников. На развороте (фото справа) — артистка танцевального ансамбля Замбии. На последней странице вкладки (верхний снимок) — алжирский танец. На этой же странице — делегация Ливии на алжирской улице во время торжественного шествия участников фестиваля и выступление алжирского ансамбля народных инструментов. Большой интерес представляют работы художников Готене, Илоки (первая страница вкладки) и Зигома (третья картина слева на развороте) из Республики Конго (Браззавиль). Темы их картин подсказаны конголезским фольклором и африканскими танцами. Другие работы принадлежат художникам Сенегала, Танзании, Мали.

Опровержение этих теорий я услышал от малийского литературоведа и работника министерства иностранных дел одновременно Ласана Куяте. Он говорил:

— Нам в Африке нужно обязательно знать советскую литературу, поддерживать с ней контакт. Мы переживаем такое время, когда нам нужны герои, должны воспитывать людей для будущего, и перед их глазами должны быть примеры самоотверженности и мужества. Конечно, мы знаем, что в странах Запада есть отличные писатели, и мы можем оценить их мастерство, снять шапку перед их умением психологически разработать образ. Но мы не можем найти у них образа человека, который повел бы за собой людей. У советской литературы есть большой опыт создания героических характеров. И у нее надо учиться этому.

«Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО ЭТО МОЯ БОРЬБА»

Должен признаться в постигшей меня журналистской неудаче. Не смог взять интервью у Мириам Макебы. В Алжире среди созвездия талантов, принимавших участие в фестивале, Мириам Макеба, южноафриканская певица, была, безусловно, звездой первой величины. Трижды разговаривал с ней по телефону, и трижды назначалась встреча, но, как говорится, по не зависящим от обеих сторон обстоятельствам она не состоялась. Но я три раза слушал, как она поет, встречался с людьми, которые ее знают, читал, что о ней было написано, и поэтому считаю себя вправе рассказать о ней.

Мириам Макеба родилась в Иоганнесбурге. Но дома, где она впервые увидела свет, уже давно не существует. Еще когда ей было всего полтора года, семью Мириам выгнали из этих мест, потому что расширялись районы для белых.

Мириам научилась петь от матери. Мать ее была из народа свази, а отец был коса. Мириам знает языки обоих народов и еще пять языков других племен, населяющих Южную Африку. Она не училась музыке специально. Музыка и песня вошли в ее жизнь сами собой и стали ее профессией. Может быть, вернее, ее судьбой.

Когда Мириам поет, кажется, что это поет сама Африка. Ее песни, то грустные, то задорные, раскрывают душу Африки, и поэтому она, не считающая себя, по ее собственным словам, политической деятельницей, предстает со сцены представительницей своей угнетенной родины.

В Алжире каждое выступление Мириам Макебы становилось политическим выступлением. Потому что она сама не может жить на своей родине, потому что за ее спиной нелегкая жизнь человека, прошедшего сквозь унижения апартеида, потому что она остается и в изгнании вместе со своим народом. Она говорит: «Я знаю, как тяжело было моей матери, у которой было шестеро детей и которая осталась вдовой. И я выросла с чувством ответственности, которое говорит, что, если ты располагаешь чем-нибудь, ты должна помочь своим сестрам и братьям».

И она помогает тысячам своих братьев и сестер на покинутой родине и делом и песней.

Мириам Макеба не политический деятель. Она только голос своей родины, голос Африки. Но это твердый, гордый голос. Вот еще ее слова, сказанные в ответ на вопрос алжирского журналиста:

— В Африке идут бои за национальное освобождение, палестинский народ борется за свою землю, часть Объединенной Арабской Республики, африканской страны, находится под пятой оккупантов. И все это касается меня. Вьетнамский народ стоит в первых рядах борцов против американского империализма. Я чувствую, что это и моя борьба, потому что, хотя мы и находимся в разных частях мира, мы боремся за одно и то же — за наше человеческое достоинство, и прежде всего за нашу землю. Борьба становится общей, потому что нас угнетают одни и те же люди. Каждый должен быть на своем месте, но нельзя отделять себя от других по той простой причине, что у нас общий враг.

Этими словами африканской артистки можно окончить любой очерк об искусстве Африки.

ЗДЕСЬ, ПОД АЗОВОМ...

Памятник Цезарю Куникову в городе Азове.

Фото С. Шубина.

Есть герои войны, чья слава стала народной гордостью. Таков и Цезарь Куников.

...Весна сорок третьего. Готовится операция силами 47-й армии с выходом на Таманский полуостров. В районе Южной Озерейки для поддержки 47-й армии должны высадиться бригады морской пехоты. По замыслу командования для отвлечения внимания противника от главного десанта в ночь с 3 на 4 февраля в район Станички, предместья Новороссийска, брошена группа моряков-десантников под командованием майора Цезаря Куникова. Несколько позже в ту же ночь началась высадка в районе Озерейки основного десанта. Но враг приготовил западню. Десантники попали под кинжальный пулеметно-минометный огонь. Гибла одна группа за другой. Дан приказ — отходить!

И вдруг сообщение: действия отвлекающего малого десанта увенчались успехом, Куников вышел на окраинную улицу Новороссийска — Азовскую! И тогда малый десант превращается в основной.

В печати — книгах, журналах, газетах — многое написано о гибели героя Малой земли. Но не везде написано точно. Есть необходимость воспроизвести некоторые подробности. Вот что рассказала военврач отряда Мария Виноградова:

«В ночь с седьмого на восьмое февраля Цезарь Куников появился в районе рыбозавода, на медпункте, который был организован мной сразу после нашей высадки. Там находились и прибывшие с Большой земли в хирургической группе врачи Зоя Кирюхина, Шура Федорова и другие. Увидев меня, Цезарь Куников спросил: «Почему ты здесь? Твое место при отряде». И тут же сказал: «Леня Хоботов пропал!» Цезарь, Леонид и я — нас оставалось трое на Малой земле из всего отряда, сформированного под Москвой, в Химках. Куников предложил мне тут же идти с ним в расположение штаба, который находился теперь в блиндаже батареи у Суджукской косы. Едва мы отошли шагов триста от рыбозавода, как появились вражеские самолеты. На наших глазах одна из бомб попала в недавно оставленный нами лазарет. Позже мы узнали, что все, кто находился там — врачи и раненые,— погибли.

В ночь с 8 на 9 февраля между тремя и четырьмя часами Цезарь Куников вместе со своим новым адъютантом направились на Суджукскую косу встречать транспорты, прибывшие с танками. Немцы, очевидно, заметили их. Со стороны кладбища резанул ослепительный луч прожектора и стал ощупывать место, где должна была производиться выгрузка. Начался артобстрел. От детонации неподалеку взорвалась мина, и осколком ранило Куникова...

Вскоре принесли Цезаря. Я сделала перевязку. Тут же, связавшись по рации с командованием, мы сообщили, что Куников тяжело ранен. Нам ответили: «Ждите торпедный катер». Тем временем наши минеры расчистили от мин проход к берегу моря через небольшую лощину. В лощине я находилась с Цезарем Куниковым с десяти часов утра до самого вечера одиннадцатого февраля. Только в сумерках к назначенному месту подошел рыбацкий сейнер. С него была спущена надувная резиновая лодка, в которую поставили носилки, в нее села и я. В Геленджик мы прибыли только под утро. В порту нас ожидала санитарная машина. Куникова сразу доставили на операционный стол, сделали операцию, но, увы, слишком поздно. Жил Цезарь еще несколько дней...»

Куникова похоронили в Геленджике, на воинском кладбище. Впоследствии его прах был перенесен в Новороссийск.

О подвиге бесстрашных моряков, их отважного командира сложены легенды.

Недавно в городе Азове был торжественно открыт памятник Цезарю Куникову. Именно здесь, под Азовом, в плавнях Дона и в Таганрогском заливе, прикрывая левый фланг Южного фронта, начинал свои боевые действия прибывший на фронт отряд москвичей. Памятник этот создан по инициативе и при активном участии следопытов азовской школы № 3. У ребят в их благородном деле нашлось много друзей. Откликнулись общественные организации города. Школьников поддержали Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, заместитель министра рыбного хозяйства СССР Г. В. Елисеев, начальник управления К. Е. Бабаян.

Моряки подняли вопрос перед Ростовским горсоветом об увековечении памяти Ц. Куникова в его родном городе. Именем героя назвали одну из улиц, а на доме, где он родился, установлена мемориальная доска.

Владислав СТЕПАНОВ

Александр **РОМАНОВ**

Поэма

Рисунки П. Караченцова

СЕВЕРЯНОВНА

1

Погода нас натешила:
Ох, были кутежи!
Февраль косматым лешим
За ельники бежит.
И я́снится, я́снится
У меня взгляд.
И на сердце, на сердце
Капли летят.
Вытаивает снова
Прежняя грусть.
Тревожно, ознобно
К милой рвусь.
Она за дальним волоком,
За Ку́беной-рекой.
А во́лок — синим облаком:
Дороги — никакой.
Подождать погоды
Хотя б чуть-чуть,
Когда пароходы
Рванутся в путь.
Но не могу иначе,
Прости, родимый дом!
Гостинец в сумку прячу —
И в ростепель пешком.
Дорога еле брезжит:
Ельник кругом.
Луна, что глаз медвежий
С тучкой-бельмом.
Встань на дорогу
И сам медведь —
Смогу, ей-богу,
Сшибить, одолеть.
Лечу, метелю —
Не тяжело.
Кончился ельник,
Смотрю: рассвело!
Смотрю ошарашенно:
Лежит за бережком
В золотом шалашике
Солнце колобком.
И сразу здешним жителям
Кричу издалека:
— Не это ли, скажите,
Ку́бена-река?
— Да,— отвечают,— Ку́бена.
Ах, наконец, она!
Как будто я пригубил
Сельповского вина.
— Еще скажите: как бы
Перебраться мне?
— Да он в уме ли, бабы?
Право, не в уме.
Смотри-ко, водополица
Вон какая прет,
И трещит и колется
На Ку́бене лед...
Я говорю, не дрогнув:
— Вернуться не могу.
— Ты что, оставил дролю
На том берегу?
— Оставил и тоскую,
Надо позарез!
— А мы найдем другую,
Оставайся здесь.
На нашей речке-матушке
Сахарно живут.
Привадушки-повадушки
Ой какие тут!

Здоровые да чистые,
Долгой красоты,
Кто был — никто не выстоял,
Так выстоишь ли ты?..
И смотрят завлекательно,
Лукаво брови гнут,
Теплом меня окатывают
Несколько минут.
Я чувствую: сгораю
На стылом берегу.
И твердо повторяю:
— Остаться не могу!
Они как будто сердятся:
— Ну что ж, бреди,
Да только сердце
Смотри не застуди...
Эх, ку́бенская, быстрая,
Надледная вода,
Ты помоги мне выстоять —
Сама молода.

Скользжу неуверенно,
Холодею весь,
Разводья меряю
То там, то здесь.
Куда ни тронусь,
Как на беду —
Уже по пояс,
А все ж бреду.
Боязно, страшно
И глянуть вниз.
Женщины машут:
Парень, вернись!
Не воротиться,
Была не была!
Сумка с гостинцем,
Смотрю, поплыла.
Материн сладкий
Пирог — ко дну,
И сам я слабну,
Тону, тону.
Руки в ссадинах...
Только вдруг
Вижу спасательный
Красный круг.
Бросил колышек —
И вперед.
Ах, это солнышко
Там плывет.
Кажет льдины
На глубине,
Вьет золотые
Веревки мне.

Хватаю, верю,
Совсем огруз.
Но рядом берег,
Ольховый куст...
И, чуть не погубленный
В яростном льду,
Счастливый, за Ку́беной
Утром иду.
Сияет березник,
Сияет сосняк.
Сияет облезлый
Мелькнувший беляк.
Сияет и щепка,
Которую пнул.
От Ку́бены крепкий
Доносится гул.
Во рту пересохло.
Бегом, бегом.
И вот невысокий,
С перильцами дом!
И стукнули дверцы,
И, смятена,
Наконец-то
Она, она!
И не выговорить —
Тишина...
И озаренье
Ее лица
В тени деревьев,
В тени крыльца.

2

Постлала скатерть новую
(Честь-почесть дорога́),
Льняную, отбелённую
На мартовских снегах.
Захолодало заново
От скатерти в дому.
— Зови-ко, Северяновна,
Матушку саму.
Я за тобою. Чуешь?
И, перепав в лице,
В моих руках качнулась,
Как в золотом кольце.
Мать выплывает, вострая.

— Согласна ли ты, доченька?
— Согласна,— шепчет дочь.
Платок поспешно вынула
И скомкала в горсти.
— Ну, что ты плачешь, милая?
— Да плачется, прости...
Давно ли дочка прыгала
С веревочкой в руках?
Давно ль рассталась с играми
На невских берегах?
В то лето предвоенное
Так молодо жилось:
Невой росисто веяло
Средь радуг и берез.
— Ну, мама, мама, надо ли?
Но т а м — у мамы взгляд.
Расстрелянные радуги
Осколками свистят.
И т а м вот эта девочка,
Блокадное дитя,
К ней снова жмется немочно
В седых очередях.
И, как травинка, падает
У мамы за спиной,
Когда везут по Ладоге,
По нитке ледяной...
Не выжить ей, наверное,
Когда б за черным льдом
Не опахнуло севером,
Снегами, а пото́м
Дымками, замелькавшими
В толкучке тупика,
И кашей, ложкой каши,
И кружкой кипятка,
И паром, раскатившимся
Во множество колец,
И днем, и возвратившейся
Жизнью наконец...
—Ну, мама, мама, надо ли?
Мать поднимает взгляд —
А на ресницах радуги
Размывчато горят.
Певучая скворечня
Сверкает у окна.
И старость тем утешена,
Что молодость красна.
Летает, ходит рядышком,
Свои пути тори́т...
Глядит пытливо матушка
И тихо говорит:
— Любовь делите поровну —
Пусть будет дорога,
Пусть льется речкой полною
В годах, как в берегах.
По верности — достойная
Тех, кто себя не спас,
Кем пули остановлены,
Направленные в нас.
А красотою равная
Родимой стороне
С березами, и травами,

И солнцем на стерне...
Что прожито —все на́ново
Идет, листвой сквозя.
И рядом Северяновны,
Любви моей глаза.
В нетерпеливых искорках
И от ресниц в тени,
Огромные и близкие,
Придвинулись они.

Мы — порознь второпях.
Но наша тайна — господи! —
Пылает на губах.
Все видит — что расспрашивать!
О взгляды матерей!
— Я вот за дочкой вашей..
— Да, вижу, что за ней...
И села — плакать хочется,
Да надо перемочь.

3

Не было думы —
Да надумали вдруг.
Не было времени —
Да стало досуг.
Порешили ехать
С молодой женой
В Заволочье синее
Гладью водяной.

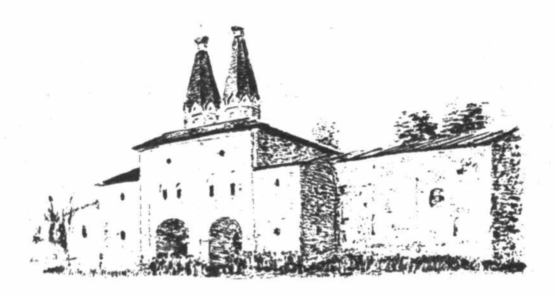
Выходила нá берег,
Говорила мать:
— Надо ей, молоденькой,
Родину казать.
Чтоб на сердце — ясно,
Чтоб в глазах — не дымно,
Чтоб не слой — три слоя
Жизни было видно.

...Водополь веселая,
Стукнув о борта,
Позади свивается
В белых два жгута.

Волны-то катаются —
Белые кряжи,
А в лицо черемуха
Будто бы пуржит.

Белое-то озеро
Шире широка,
Словно протянувшееся
Утро сквозь века.
В дымку заозерную
Зорче взгляд упри:

...Смотрит Северяновна
В эту даль востро.
И во мне светает:
Чувствует родство.
...Вот на горизонте
В елочный проем
Вплыло Ферапонтово
Каменным костром.
От страстей великих,
Бушевавших в нем,
Сквозь столетья лики
Теплятся огнем.
Взлет певучих линий
В храме одержим
Голубым, малиновым,
Белым, золотым.
А вокруг да около
Сколько люда тут!
Из краев далеких
Едут и идут.
А оттуда, с выси,—
Взгляд и мудр и прям,—
Будто Дионисий
Это смотрит сам.
...Долго Северяновна
Бродит в тишине.
Видит, видит главное,
То, что видно мне.
И опять над мачтами
Шелестит кумач.
Это что? Не сказка ли
Ткется между мачт?

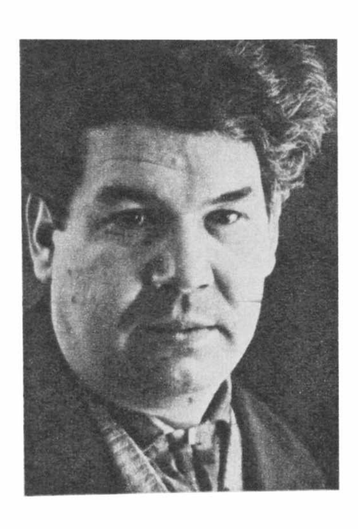

Вычертится Новгород
Из седой зари.
А оттуда в лодках
Дыбом, внахлест
Выгребают молодцы —
Дюжая кость.
А в глазах — полнеба,
В бородах — ветра,
На ремнях с насечкой
Отблеск топора.
Душу потешили
Эти топоры:
Рублеными молниями
Прянули шатры.
И горели гормя
Выше грив лесных,
Будто капли солнышка,
Луковки на них.
До студена моря —
Во какой размах! —
Обживались гости
В белых теремах.
Веял жар застенчивый
В женах молодых,
Свет летел на плечи
От волос льняных.
Этот жар не слабнул,
Этот свет не меркнул
С добротой, с достоинством,
С верностью навек.
И они рожали
В горницах детей —
Золотое крылышко
Красоты своей.
Сквозь леса, сквозь годы
Тихое на вид,
Все оно летело,
Все оно летит.

Это лебедино
Ткется к ряду ряд
Заволочья дивного
Первостольный град.
На плечах — узорочье,
На поясе — вязь.
Зелено и солнечно
Он встречает нас.
И плывут румяные
В сторону дымы.
...Глянь-ко, Северяновна!
Вот и дома мы.
В платье ловком, простеньком,
Очень молоду,
По дрожливым мостикам
С палубы веду.
По тесовой пристани,
Где пенится квас,
Мимо глаз завистливых,
Мимо добрых глаз,
Прямо на дорогу —
Волосы вразлет!
Гляну сбоку —
Свежесть опахнет.
Улыбнется милая,
И в руке, легка,
Полная и сильная,
Жаркая рука.
Мы летим мимо
Домиков в резьбе
По проспекту длинному
В комнату к себе.
В ней в окошке любом
Плавает солнце...
Была бы любовь —
Счастье найдется.

Вологда.

К 50-летию со дня рождения Мустая Карима

ВРЕМЕНИ СВОЕМУ

Азат АБДУЛЛИН

Высокая поэзия — это, наверное, та, которая возвращает нас, как заблудших, к самому себе, к тому лучшему, что в нас есть, должно было быть, и подводит к постоянно необходимому нам: к мудрости в радостях и оптимизму во всех превратностях жизни.

Такую мысль рождает, в частности, и поэзия Мустая Карима. Сотканная из пережитых дум и чувств, из прожитых дней и лет, она была и остается ободряюще светлой, оптимистической и заразительно радостной. И такое мироощущение имело свои определенные социальные корни.

Мой дядя рассказывает, какие чувства испытали они, когда в Башкирии первый раз пробила ишимбаевская нефть. Он говорит: люди, прибывшие в Ишимбаево кто пешим, кто верхом, глядели, задрав голову, на мощный фонтан, бьющий ввысь, и в этот миг им чудилось, что смотрят они не на фонтан, а на небо, которое увидели впервые... Они, вечно привязанные к своему клочку земли, жили, глядя только под ноги, не видя перед собой широких горизонтов, не подозревая над собой небесных высот. А теперь они увидели запретное для них небо... И строка Мустая Карима: «Если не глядеть только под ноги, неба так высоки...» — это не просто удивление, а миг его собственного озарения.

Социалистические преобразования в нашей стране в начале тридцатых годов показали зримое, ощутимое лицо новой жизни. И первой реакцией моего народа на это была радость. Такая радость, что, испытав ее, очищающую ее, вздымающую душу силу, он исполнился решимостью никогда не расставаться с нею: он умирал не оттого, что был беден, а оттого, что был безрадостен. И поэзия Мустая Карима стала лирической историей воскресшего человека, его радости, его раздумий о бытии, его восхождения и в особенности его любви, построенной на законах понимания, единства и постоянства. И, если уж сказать об этой любви, она оказалась наиболее нужной, заветной и человечной.

Жизнь показывает: как нахождение нашего утраченного «я», она, любовь, дает нам постигнуть и испытать свое совершенство и потому, наверное, обладает силой и способностью ставить заслон всему несовершенному и легковесному, граничащему подчас с явной или со скрытой распущенностью. Для нас все легковесное уже не имеет ценности, ибо нам не уйти от постигнутого, завоеванного совершенства. Об этом, хотя не в прямом смысле сказанном, говорит и Карим. Не потому ли стихи его о любви в военные годы всегда воспринимались и как заслон и как добрая весть?

Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.

Да, высота чувств — она, возможно, и не сулит вечную ясность и лад, даже прибавляет тоску и сомнения, но все-таки зори всех раньше восходят именно над ней. Потому что она полноценна.

Тяга к высоте проходит по всей поэзии Карима; это тяга возродившегося человека. Но она нужна ему не для того, чтобы уйти от всего земного, естественного, а для того, чтобы очищенным, прозорливым вернуться к простым и земным отношениям, по которым неизбежно будут жить люди. Карим не останавливается на этом чувстве, и он думает о тех, кто, чуть вырвавшись вверх, уже воображает, что постиг особую истину, уходит от земной простоты, земной отзывчивости, доброты и начинает жить нарочито усложненно, замкнуто, вращаясь только вокруг себя, и становится благородным в намерениях, добрым в обещаниях. «Не обещай! Довольно обещаний!» — отмахивается Карим от них:

Ведь обещанье часто — обнищанье
Души, когда ей действовать пора!

Карим заставляет нас оглянуться на самого себя, выверить свои слова и поступки; он хочет восстановить в человеке и между людьми то высокое начало, что заложено в них от рождения. И все это выражено у него не со стороны, а изнутри, как нечто осуществленное в нем самом.

Своим опытом Карим как бы говорит: все лучшее в тебе, в твоей жизни создается человеческим талантом и энергичной добротой.

Чем глубже делается понимание жизни, тем совершеннее становится Мустай Карим как поэт. Вместе с глубиной мыслей появляется изящество формы, художественная завершенность, энергия стиха, стремление лаконично выразить тонкие переходы чувств, ассоциативность образов.

У Мустая Карима начинается новый круг творчества — умудренный, философский и более эмоциональный. Он полон решимости говорить о тех вещах, которые будят мысль, ищут своего поэта. Он обеспокоен зовом из настоящего.

Надо верить, Мустай Карим — плоть от плоти поэт советский — еще скажет слово о своем времени, и, будем верить, о нем скажет свое слово и время, выпестовавшее его и как человека и как поэта.

Николай **АСАНОВ**, Юрий **СТУРИТИС**

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

РОМАН

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В первой книге романа «ЯНТАРНОЕ МОРЕ»[1] мы оставили нашего героя Лидумса, бесстрашного чекиста, в Лондоне. Это он со своим отрядом «лесных братьев», созданным из бывших партизан и оперативных работников Комитета госбезопасности, принял группу английских шпионов на территории Латвии и «заботился» о них почти полтора года, а затем англичане, как говорится, «на своих плечах» переправили его в Лондон. Английской разведке было лестно заполучить прославленного командира «лесных братьев». Лидумс становится «советником Латвийского национального правительства по социальным вопросам» — есть и такое «правительство» под крылышком английской разведки — и «советником по восточным вопросам» при отделе «Норд».

А задача, поставленная перед Лидумсом советской контрразведкой, состоит в том, чтобы изучить систему проникновения английских шпионов в Советский Союз и контролировать эти тайные пути.

Первая часть из второй — заключительной — книги романа «ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ» рассказывает о пребывании Лидумса в Англии.

Обе книги написаны на основании документов: тайнописных посланий, радиограмм, протоколов и дневниковых записей.

Роман иллюстрировал художник В. Вэтра, послуживший прототипом главного героя.

АВТОРЫ.

1

В ту новогоднюю ночь, когда Лидумс один в своем номере лондонского «Ройал-отеля» поднял бокал за здоровье далеких друзей в Латвии, он знал, что и друзья ответно подняли свои бокалы, думая о нем. В отряде Графа, скрывавшемся в Курляндских лесах, вместо хрустальных бокалов «лесные братья» чокались глиняными кружками. В рижской квартире Балодиса — звонкими рюмками. Но и там и тут думали о нем.

Это не было подтверждением одного из законов новой науки парапсихологии, о которой все чаще и чаще разговаривали английские знакомые Лидумса. Разговаривали с неким почти мистическим чувством ожидания. С надеждой на несбыточное. С верой в то, что адепты новой «науки» вот-вот изобретут способ общения «душ» между собой, который поможет разведчикам избежать при передаче тайных сведений таких сложных и дорогостоящих аппаратов, как агентурные рации, таких ненадежных средств связи, как письма, написанные симпатическими чернилами... Разведчики отлично знали, что рацию можно «засечь» пеленгаторами, подозрительное письмо исследовать при помощи реактивов и прочитать. Они мечтали о другом — о родстве душ и общении душ без помощи техники, одной лишь передачей мыслей на расстоянии.

Лидумс из любопытства прочитал несколько солидных книг и с десяток тощих брошюрок, подсунутых ему Силайсом, об этой странной и пока еще не очень исследованной области психологии. Парапсихологи утверждали, что передача мыслей на расстоянии существует. Они приводили зафиксированные якобы в документах результаты подобных опытов. В одних случаях индивид, именующийся медиумом, передавал свои мысленные приказы в пределах одной и той же комнаты подчиняющемуся его воле субъекту; в других случаях подобная передача производилась уже из комнаты в ком-

[1] См. «Огонек» №№ 1—13, 23—25, 27—29 за 1963 год.

нату, в третьих случаях — на эту сенсацию очень падкими оказались американские военные — парапсихологические опыты производились уже из штаба в Пентагоне, и приказы передавались ни много ни мало на подводную лодку в Атлантику... Вот о такой дальности и мечтали разведчики, которые пытались просветить Лидумса разговорами о новой «науке».

Но сам он знал и чувствовал другое. Он знал, что о нем думают его друзья, опасаются за него, но и надеются на его выдержку, пытаются поддержать его из своего далека, ждут его, а это ощущение было куда выше всяких парапсихологических опытов, в которые он к тому же не верил.

Он верил в своих друзей, в единство идеалов, в общность их любви к Родине. И знал, что друзья любят его, верят ему и надеются на него.

И в пустом номере лондонского отеля, обратившись лицом в ту сторону, где находилась его далекая Родина, он поднял свой бокал, желая ей счастья, и, казалось, увидел друзей, услышал их ободряющие голоса, а ободрение это ему, что греха таить, очень и очень требовалось. Завтра он снова встанет лицом к лицу с врагами, умными, хитрыми, безжалостными, и ему придется напрягать все свое внимание, силу воли, ум, чтобы достойно нести тяжелое бремя разведчика, оказавшегося внезапно в главном штабе противника, и в то же время внушить противнику полное доверие, так как только в этом случае он сможет выполнить порученное ему трудное дело.

Так Лидумс встречал Новый год.

2

Лидумс не ошибался: друзья думали о нем.

В этот час все, кто мог вырваться из леса и с дальних хуторов, где были размещены на зиму «люди королевы», собрались в квартире Балодиса. Тут были и заболевший в лесу воспалением легких Бородач, и вездесущий Граф вместе со своей веселой толстушкой женой, искренне радовавшейся тому, что муж наконец-то вернулся из долгой командировки и как будто собирается снова осесть в городе, и Кох, по-прежнему нарядный, толстый, как будто только что вернулся из дальнего плавания.

Жена Графа — Эглин — надела кружевной фартучек и принялась помогать Магде. Остальные мужчины пришли без жен, и Магда огорченно подумала: «Все не так, как у других! Больше похоже на заседание, а не на встречу Нового года...» Но при посторонней женщине побоялась высказать свои грустные мысли, тем более, что Эглин тоже недоумевала, почему это мужчины сразу удалились в кабинет. Но Магда сделала вид, что ничего не происходит, попросила сына включить магнитофон в столовой. Теперь из кабинета не доносилось ни звука.

Балодис достал из вделанного в книжный шкаф бара бутылку коньяку, рюмки, печенье. Уселись кто где хотел, сам хозяин стоял, слушая разноголосый веселый разговор: за зиму многие не встречались, им было о чем поговорить.

— Как твоя вдовушка, Кох? — спросил Граф.

— Замучила! — отчаянно махнул рукой Кох.

— Любовью? — засмеялся Ниедре-Бородач.

— Нет, пивом! — под веселый хохот признался Кох. — Видит же, что толстею не по дням, а по часам, а все варит, варит... Я уж хотел сказать, кого мы отпаиваем ее пивом, но побоялся, что она проломит мне голову черпаком. Перед Новым годом я сам отвез две бочки на хутор Арвиду. Но вдовушка моя постаралась, еще две бочки наварила. Боюсь, что к весне не пролезу в дверь бункера, придется меня втаскивать по частям или ставить отдельную палатку.

— А как себя чувствуют постояльцы Арвида?

— Эгле тешит себя надеждой, что весной его вызовут в Англию. Новички — Бертулис, Отто и Антс — слушают разинув рты сказки Вентспилсского леса, которые рассказывает им Делиньш. В лесу-то они пробыли всего один день, им показали Петерсона, они дали подтверждающую радиограмму, и их переселили к Арвиду. Петерсон в одиночку кукует под Ригой.

— А может быть, останешься в городе? — осторожно спросил Балодис. — Тебе не так мало лет, чтобы еще год мерзнуть и отсыревать в лесу.

— Ну уж нет, командир, вместе начали, вместе и закончим! — без шутки, очень сурово ответил Кох. — У меня все-таки самый приличный и почти английский вид: старый фермер на покое, на лесной даче. Да и кто станет им обеды и ужины готовить? Делиньш? У Делиньша и с морзянкой хлопот хватает. А Граф теперь командир. Ему просто неприлично кухней заниматься. Что англичане о таком командире подумают? Нет уж, товарищ Будрис, оставь мне мое, а себе берите свое.

Балодис потрепал Коха по плечу и молча налил рюмки.

Но вот он поднял свою рюмку, и все както сразу примолкли, встали в кружок перед ним. Балодис тихо сказал:

— За Лидумса! И пусть будет его тяжкий труд удачным, пусть останется открытой дорога к возвращению, пусть рассеются козни его врагов!

Все подняли рюмки. Как им хотелось, чтобы эти пожелания сбылись!

В эту минуту зазвонил телефон. Балодис поднял трубку.

— Да, я слушаю! — И, прикрыв трубку ладонью, шепнул: — Это Анна Вэтра.

Все переглянулись. Ни для кого из них не было секретом, что Лидумс ушел за море, так и не помирившись с женой. А она что-то оживленно говорила, и Балодис не успевал вставлять слова, кроме «Да. Да».

Но вот она выговорилась наконец, и тут Балодис произнес:

— Магда и я приглашаем вас к нам на Новый год. Да? Очень жаль. А может, заедете с вашими друзьями? Ну, ну. Я навещу вас после праздника... — Он положил трубку и сухо сказал: — Поблагодарила за подарок от мужа и за деньги...

— Значит, она и не знает?

— А зачем ей знать? Она уже привыкла быть самостоятельной. А общество, в котором она вращается, не очень приятно... Тут литературная богема и непризнанные гении, художники и просто авантюристы... Но завтра я к ней заеду.

В дверь тихонько постучали. Балодис открыл. Сын стоял в проеме с какой-то бумагой.

— Папа, тебе пакет. С нарочным.

Голос у мальчика был печальным. В этом доме знали, что отец может исчезнуть и в праздник. Балодис взглянул на пакет, погладил Арвида по голове.

— Это только поздравление, мой мальчик.

Он приложил сорванную с пакета наклейку к косяку двери, расписался, и Арвид, снова повеселев, убежал на кухню. Балодис вскрыл пакет. Из него выскользнула маленькая олеографическая открытка: три голубоглазых, белокрылых ангелочка сбрасывали с пушистого облака английские буквы, которые образовали на голубом небе надпись: «С Новым годом!»

На обороте какой-то господин Вента поздравлял свою знакомую в Латвии с праздником. Балодис потряс открыткой в воздухе и громко сказал:

— Друзья мои, примите поздравления от нашего друга! Он помнит о нас!

И все бросились к нему, разглядывая открытку, почерк, завитушки каллиграфического письма. Ничего похожего на то, как писал Лидумс. Ниедре даже усомнился. Балодис рассмеялся:

— И тем не менее это писал наш друг! Вот здесь написано «опять». «Опять наступил Новый год, а Вы далеко от меня!» Это слово и есть подпись нашего друга!

— Ну, по такому поводу нельзя не выпить! — бурно развеселился Кох и принялся разливать коньяк. Дверь осталась открытой, и никто не называл имя друга. Но Магда испуганно повернулась от стола.

— Дядюшка Петер, не много ли?

— Ах, хозяюшка, у нас тут такая радость!

— Кого-нибудь наградили?

— Всех! — пылко заверил ее Кох. — Правда, не орденами, а надеждой! Но надежда порой бывает дороже всякой награды!

— Тогда уж лучше выходите к столу. Сначала проводим старый год, он был не таким уж плохим, а потом выпьем и за Новый. Прошу, дорогие гости!

Но Кох попросил взглядом мужчин остаться. Он поднял открытку с пухленькими ангелочками, прикоснулся к ней краем своей рюмки, таинственно сказал:

— Как будто с ним самим чокнулся!

И все, улыбаясь, поспешили выполнить этот новый обряд.

Перед тем как выйти к столу, Балодис прикрыл дверь и тихо сказал:

— После праздников всем вам следует навестить ваших подопечных. Теперь в группе собрались уже пятеро английских посланцев. Почти у каждого из них собственные рации и, очень возможно, есть и другие средства связи, о которых мы не знаем. Пока они не подозревают, что находятся в ласковых объятиях латышских чекистов. Тем более важно, чтобы такие подозрения и не возникали. Сейчас мы должны обеспечить Лидумсу поддержку. Как сделать это лучше всего, мы еще обдумаем. Но в этом своем коротком письме Лидумс просит нас и о такой помощи. О дальнейших делах поговорим завтра. А теперь улыбнитесь пошире, чтобы развеселить наших дам, и прошу к столу!

Кох все еще вертел открытку в руках.

— Вот уж не сказал бы, что тут написано что-нибудь еще, кроме того, что прочитал нам полковник...

— Это и хорошо, — улыбнулся Балодис. — Хуже было бы, если б в открытке кто-то усомнился. А так все в порядке! Тоскующий в Англии латыш пишет своей оставленной жене, а может быть, любимой бабушке. Но мы видим в этой открытке и нечто невидимое. Что Лидумс жив, что он «устроен» в Англии и что он все-таки нуждается в укреплении своего положения. Вот об этом самом «укреплении» нам и надлежит подумать. А теперь — к столу, к столу...

3

В середине января Лидумса, которого англичане именовали Казимиром, снова переселили. На этот раз, кроме Силайса, руководителя латышского сектора отдела «Норд», в переселении участвовали Большой Джон и Нора. Правда, Нора не поднялась в отель, она ожидала Казимира за рулем. Силайс помог Лидумсу собрать вещи, Большой Джон беседовал о чем-то в вестибюле с портье, наверно, передавал какоенибудь новое поручение разведки, и поздоровались они только в машине.

Встреча была дружеской, да и Лидумсу надоело отсиживание в отеле, где он пробыл эти две недели, словно в тюремной камере. Навещали его только Большой Джон и безымянный «специалист» по подпольной работе, преподававший ему стратегию и тактику подрывной борьбы.

Они проехали через центр города и скоро оказались в районе, занятом маленькими особнячками. Тут трудно было судить о состоятельности владельцев особнячков, — земля в этой части города стоила слишком дорого, чтобы возводить подобие старинных помещичьих замков, а по традиции при каждом особнячке положено иметь хотя бы садик. Поэтому домики строились в два, а то и в три этажа — чаще всего по две комнаты в каждом этаже, — а под окнами мерзли заиндевевшие кусты. Зима в этом году была для Англии морозной...

Свернули в какую-то короткую, узкую улочку и остановились у кованых железных ворот. Невидимый привратник открыл ворота, и машина вкатилась в маленький дворик с привратницкой, с небольшим гаражом, таким же заснеженным садиком, что и перед соседними домами, и Большой Джон помог Казимиру выйти из машины. Пока

Силайс доставал чемоданы из багажника, Большой Джон открыл входную дверь своим ключом, осветил небольшой, жарко натопленный холл с камином, с круглым столом, на котором поблескивали бутылки, рюмки и бокалы, шейкер для изготовления коктейлей, улыбнулся, глядя на изумленное лицо Казимира, торжественно изрек:

— Мистер Казимир, поздравляю вас с новосельем!

Все, смеясь и подшучивая над Казимиром, стали сбрасывать пальто, швыряя их куда попало, благо тут были и кресла, и просто стулья, и какие-то низенькие табуретки, словно вот-вот придет еще дюжина гостей. Силайс задвинул чемоданы в стенной шкаф, подошел к столу, поднял рюмку, уже налитую Норой, подтвердил:

— Да, Казимир, этот особняк теперь принадлежит вам со всем, что в нем есть!

Выпили за здоровье нового хозяина и гурьбой пошли осматривать дом.

На первом этаже были столовая, буфетная, кухня. Чувствовалось, что прежние хозяева дома жили широко: множество посуды, приборов, машинки для поджаривания тостов, груды тарелок, кастрюль, несколько кофейных мельниц на любой вкус — от турецкой с каменными жерновами до современной электрической, еще смесители для коктейлей, холодильник, в который можно было бы при нужде поставить автомобиль, маленький холодильник, в общем, все, что может облегчить жизнь богатого джентльмена. Лидумс обратил внимание, что Нора разглядывала это устройство с чисто женской завистью, и решил, что, видимо, теперь он окончательно утвержден в звании и ранге Чрезвычайного Полномочного Посла Дружественной Державы.

На втором этаже была библиотека, она же и курительная комната, с несколькими шкафами книг, с небольшим баром и запасом напитков, непременным шейкером и маленьким холодильником для изготовления льда, чтобы не надо было вызывать прислугу или лакея, затем спальня, еще одна спальня, рабочий кабинет и ванная комната. Нора словно бы нечаянно распахнула гардероб в спальной, и Лидумс увидел несколько костюмов, ящики с бельем, а в ванной халаты и пижамы висели прямо на виду — на выбор.

Закончив осмотр, все так же весело спустились вниз, в холл. Там кто-то невидимый и неслышимый успел уже поставить на приставной столик жареный миндаль, крохотные сандвичи, кофейник с семейством чашек, и Нора принялась хозяйничать.

Лидумс понимал, что хозяева не собирались изумлять его щедростью,— они знали, что он и сам происходит из обеспеченной семьи. Налицо было другое: признание его посольского ранга. И он с обычной легкостью отвечал на шутки, поинтересовался, будут ли к нему приходить гости и как ему справиться со всякими рашперами, горелками и прочими механизмами, когда он останется один.

Большой Джон объяснил: в привратницкой живут сторож и его жена. В каждой комнате есть кнопка звонка, проведенного в привратницкую. На кухне есть ящичек, куда следует опустить деньги и заказ — на день, на неделю, или просто записку, что вы будете обедать или ужинать по усмотрению миссис Пегги. Привратника зовут Моррис, он к тому же и шофер, а в гараже есть автомобиль, правда, не очень шикарный, а шоферские права на имя мистера Казимира находятся в кармане его шоферской куртки.

— Мило, очень мило! — восхитился Казимир и лукаво спросил: — А вдруг я не умею водить машину?

— Ну, если вы шестнадцатилетним мальчиком на машине отца возили девушек из Риги на взморье, то такие знания не забываются,— улыбнулся Большой Джон, пристально глядя на Казимира.

Казимир открыто расхохотался:

— А ведь я, между прочим, ни в одной анкете, даже при русских, об этом не писал!

— А мы русскими анкетами, между прочим, не пользуемся! — так же смеясь, ответил Большой Джон.

— Что делать,— притворно вздохнул Казимир,— придется взять один-два урока у нашего милого привратника мистера Морриса. Машину-то у отца русские реквизировали еще в сороковом году. Как говорили они, для нужд обороны...

— О, я охотно дам эти один-два урока! — весело подхватила Нора.

И Лидумс подумал: «Держись! Хорошо, что ты никогда не придумывал себе легенду с чужим детством! Ты всегда был самим собою, во всяком случае, для твоих противников: сыном состоятельного и влиятельного человека, хозяина особняка, который был побольше и побогаче, чем это шпионское гнездышко... Но как же они дознались до этой давно забытой тобою мелочи?»

Но Большой Джон, кажется, закончил новую проверку. Он довольно сухо сказал Норе:

— Нет, нет, Нора! Пока что Казимир должен жить тихо!

— А чем, собственно, вызвано такое ограничение? — беспечно спросил Лидумс.

— Мы беспокоимся о вашем здоровье.

— Но вечером-то выходить можно?

Большой Джон смерил взглядом мощную фигуру Лидумса, его широкие плечи, массивные кулаки, спросил:

— Джиу-джитсу знаете?

— Японских самоучителей джиу-джитсу у нас не было. Но мы переняли у наших противников-чекистов их вид защиты и нападения — самбо. Самооборона без оружия. Но зачем мне в Лондоне самбо или джиу-джитсу?

— Мы не можем прикрепить к вам для охраны полисмена...

— Я полагал, что в такой цивилизованной стране...

— В Лондоне сидят шпионы самых разных толков и ориентаций. Весной прошлого года вместе с Петерсоном к вам прибыли отсюда два ваших соотечественника — Том и Адольф. О своем прибытии они сообщили и попросили полгода для устройства в Латвии. Первые деловые переговоры были назначены на день рождества и на ночь под Новый год. В рождественский вечер они появились в эфире, а под Новый год нет. Если они, как мы подозреваем, провалились, то не исключено, что вас уже ищут в нашем прекрасном городе...

Он сказал это без улыбки. Лидумс подумал: Большому Джону поручено не только наблюдать, но и охранять.

Тут вмешались наперебой и Силайс и Нора:

— Мы не должны допускать ошибок!

— А мне, Казимир, будет просто очень жаль, если вашу великолепную фигуру кто-нибудь случайно продырявит...

— Клянусь, я не стану посещать ночные бары и клубы. Но подышать-то перед сном необходимо!

— Хорошо, попробуйте,— смилостивился наконец Большой Джон.— Но если заметите что-нибудь подозрительное, немедленно дайте нам знать! — и назвал два телефона, по которым Лидумс мог звонить в любое время дня и ночи.

А затем, словно бы смягчая и «проверочные испытания» и возможные опасности, Большой Джон сам наполнил бокалы и провозгласил тост: «За будущее мистера Казимира!» Что он под этим подразумевал, Лидумс понял значительно позже. А сейчас они мило болтали, пили, пока Нора не заторопилась нанести какой-то визит...

4

Утром следующего дня Лидумс познакомился с обслуживающим персоналом таинственного «замка».

Миссис Пегги оказалась еще молодой и очень приветливой женщиной, настоящей «кокни», судя по неправильному говору, а мистер Моррис — бывшим моряком военного флота, дослужившимся до звания боцмана, а затем ушедшим в запас.

Лидумс растолковал миссис Пегги, какие блюда он любит, заложил в кухонный ящичек половину своего «жалованья» и попросил ее заботиться о нем, что ей, кажется, понравилось. С мистером Моррисом он провел два занятия на автомобиле. Автомобиль был подержанный, не чета современным маркам спортивных гоночных, но это было к лучшему. Впрочем, за руль сел он сам, и мистер Моррис обучал его не столько вождению, сколько правилам езды по большому городу, в котором до сих пор сохранялось непривычное большинству европейцев левостороннее движение.

В первую же поездку Лидумс приобрел план Большого Лондона, справочники шофера и несколько дней просидел над изучением этих полезных документов. Несколько раз он выезжал с Моррисом, который сидел слева от него и командовал поворотами и разворотами,— этого было достаточно, чтобы удовлетворить возможное любопытство Большого Джона, действительно ли умеет мистер Казимир водить машину,— а затем стал выезжать один. Как ни затруднено было движение по этому городу, в котором двигалось и отдыхало трехмиллионное стадо автомашин, Лидумс предпочитал одиночество. Это позволяло ему бесконтрольно знакомиться с городом — в такой толчее за его передвижениями было трудно следить, если бы даже кому-то из сотрудников «Норда» было дано такое приказание. Обычно он отыскивал в центре города платную стоянку, припарковывал свою машину к счетчику-автомату, опускал в отверстие автомата полшиллинга и свободно бродил в окрестностях с полчаса.

Иногда он ехал к Вестминстерскому аббатству, к парламенту, к Букингемскому дворцу: там были бесплатные стоянки машин — и осматривал один из этих памятников или наблюдал традиционную смену караула у дворца королевы... Он посетил и Национальную галерею, и Британский музей — великолепное хранилище богатств, собранных почти во всех странах мира, где ступала нога солдата английских колониальных армий, и музей мадам Тюссо, в котором стояли и сидели вылепленные из воска и одетые, согласно своему времени и обычаю, деятели всех времен и народов, а в подвалах, по лучшим традициям балагана ужасов, вешали убийц, стреляли друг в друга эскадренные корабли, погибал одноглазый Нельсон и рубили голову Марии Стюарт — королеве Шотландии...

Город показался Лидумсу запущенным, грязным. Впрочем, может быть, это зависело от того, что продолжалась холодная зима, из множества труб валил угольный дым от каминов. В центре было еще много неразобранных развалин — последствий немецких бомбардировок с самолетов и снарядами «Фау-1» и «Фау-2». В тех местах, где развалины успели разобрать, бывшие владельцы строили новые дома, но чаще всего возводили их по старому плану, такими же, какие стояли тут раньше: стена к стене, без просвета, невысокие, узкие, в три — пять этажей,— и только там, где землей успели завладеть строительные компании, поднимались современные здания для новых контор, банков или под дорогие квартиры, с лифтами, кондиционированным воздухом, широкими балконами, в десять, двенадцать, а то и шестнадцать этажей. Но никаких небоскребов, похожих на американские! Англичане и тут сохраняли свой стиль!

Вечерами Лидумс работал. Он помнил поручение президента Зариньша составить доклад «правительству» об умонастроении различных групп населения в республике и составлял этот доклад, ничего не приукрашивая, хотя заместитель Зариньша — Скуевиц и предупредил его, что не следует огорчать президента слишком откровенными сообщениями.

Часов в десять вечера он выходил из надоевшего зимнего, обледенелого садика на узкую улочку и шел пешком, всегда по одному маршруту, в одиннадцать возвращался, ужинал и снова садился за работу. По вечерам делал записи для «Норда» о «подпольной работе в Латвии». Тут он тоже ничего не приукрашивал, просто почаще упоминал имя «руководителя национально мыслящих латышей» Будриса, возлагая на него бремя главных забот о «будущем свободной Латвии».

В эти же дни Лидумс получил от Зариньша официальное письмо, из которого узнал, что назначен «специальным советником президента по социальному устройству страны». Правда, в этом письме не сообщалось, полагается ли «советнику» какое-нибудь жалованье, но «советов» от него, несомненно, ждали. Кроме «социального устройства», Лидумс должен был разработать статут нового ордена республики для «награждения особо отличившихся деятелей подпольного движения». Лидумс с усмешкой подумал: «Боюсь, что получать этот орден будет некому...»

Но кой-какие наметки по этому статуту передал через навестившего его Скуевица.

Скуевиц, как видно, был предупрежден англичанами, что Казимир пока должен отсиживаться в «бесте», и посматривал на «советника» с должным уважением, даже к Зариньшу не приглашал. Боялся, наверно, что и их «посольство» взято под наблюдение «красными разведчиками».

В первых числах февраля Лидумса навестила Нора. Она привезла запоздалые рождественские подарки: несколько бутылок виски, отличного копченого угря — это уже был намек на те праздники, к каким привык Лидумс на родине. Лидумс встретил гостью радостно, только спросил, знает ли об этом визите Большой Джон.

Полные губы Норы тронула капризная усмешка.

— О, теперь Большому Джону не до вас! Том неожиданно вышел в эфир!

— Вот как? — только и сказал изумленный Лидумс.

Он помнил, как весной прошлого года эмиссар английской разведки Петерсон, прибывший в Латвию проверить достоверность сведений, получаемых от Вилкса, а заодно и познакомиться с отрядом Лидумса и руководителем «национально мыслящих» латышей Будрисом, приволок на своих плечах сразу трех посторонних. Один из них, Густав, погиб в тот же день на реке Венте. А двое — вот эти Том и Адольф — ускользнули. Правда, Лидумс надеялся, что они давно уже схвачены и обезврежены. Но вот они снова вышли в эфир!

— И вы можете представить,— продолжала Нора,— как гордится этим воскрешением из мертвых Ребане? Сначала Том и Адольф должны были идти по линии Силайса. Но для вашей безопасности и безопасности группы Будриса решили не делать этого. Тогда Ребане потребовал себе полной самостоятельности и швырнул их в свои каналы. А теперь это ничтожество, одинаково убивавшее во время службы в немецкой армии и советских и английских пленных, оказалось нужным нашим хозяевам...

— Зачем же так...— мягко предостерег ее Лидумс.

— Мой брат не вернулся из плена! — жестко сказала она.— А этот подонок осмеливается похваляться орденами, полученными от Гитлера.

Лидумс промолчал. Он почувствовал себя так, словно и сам попал в банку с пауками, а не просто глядит на нее со стороны. Странные люди-пауки собрались в этой банке. Вот такой полковник гитлеровской службы эстонец Ребане... Русские, эстонцы, литовцы, латыши, поляки объявили его военным преступником и потребовали выдачи для следствия и суда. А англичане (собственно, английская разведка!) приютили его, хотя он, наверно, с одинаковым удовольствием расстреливал и попавших в его руки английских солдат, о чем постоянно думает Нора. Или литовец Жакявичус... Он тоже был объявлен военным преступником, но и он нашел защитников в лице Восточного отдела английской разведки... Да, прошли те времена, когда англичане хвалились, будто их разведчики — подлинные джентльмены, и при всяком случае вспоминали «рыцаря разведки» поэта Редьярда Киплинга или «короля разведки» полковника Лоуренса... Грязные дела приходится делать грязными руками!

— Вы бы посмотрели, как он сейчас пыжится! — с ненавистью сказала Нора.— Если бы он смог, то проглотил бы Силайса, а вместе с ним и вас и меня. Наши удачи всегда торчали у него костью в горле. А теперь он утверждает, что подготовленные им люди никогда не проваливаются. Он, оказывается, два месяца ждал их нового выхода в эфир. В радиоцентре он так надоел, что наши девушки видеть его не могут. И вот приходится признать, что он победил! — Она развела руками, не столько удивляясь, сколько взывая к богу.

— Ну, насчет того, что девушки его не любят, я верю! — засмеялся Лидумс.— Я видел, как он ухаживает за ними: совсем по-немецки. Одну ущипнет, другую хлопнет по заду. А этого, кроме немецких фрейлейн, никто не переносит.

— Грязная свинья! — не стесняясь, аттестовала новую звезду разведки Нора. Но тут же перешла к делу: — Я думаю, Казимир, что теперь и с вами все будет в порядке. Большой Джон намекнул, что вы сможете в ближайшие дни снять осаду и навестить наш офис.

— Значит, вас все-таки направил Большой Джон? — лукаво напомнил Лидумс.

— Он даже и не знает, что я ваша гостья! — Нора была прелестна в своем огорчении.— Если бы он узнал, где я сейчас, он, наверно, не преминул бы сообщить об этом Маккибину...

— И начальнику отдела «Норд» это не очень бы понравилось?

— Он делает шикарные подарки! — откровенно призналась Нора.— А у меня есть кое-что и для вас, Казимир! — лукаво сообщила она.

— Я уже получил довольно много подарков! — отшутился Лидумс, показывая на стол, заставленный подарками Норы.

— Нет, это совсем другое...— И, видя, что Лидумс действительно заинтригован, торжественно объявила: — Письмо от ваших друзей из Латвии!

Лидумс не стал скрывать своей радости. Нора достала из сумочки расшифрованную радиограмму. Лидумс впился в нее взглядом: да, ее писал Будрис!

— Ну, не буду отнимать вас у ваших латышских друзей! Я вижу, что вам хочется побыть с ними хотя бы в воспоминаниях! Но имейте в виду, я уже ревную вас к оставленной вами в Латвии женщине! — Она шутя погрозила ему и попросила проводить до машины.

По представлению Лидумса, ей бы следовало сейчас оставить свою машину под наблюдением Морриса, а самой уехать на такси, поскорее добраться до дома и лечь спать. Но нет, Нора отважно села в свой «будуар на колесах», на прощание махнула рукой и развернула машину так круто, что случайный прохожий отпрянул в сторону. Впрочем, Лидумс уже привык к тому, что в этой стране пьяный водитель, не свалившийся с ног перед автомобилем, не подвластен полиции...

Он торопливо вернулся в дом и занялся радиограммой.

Радиограмма была действительно от Будриса и подписана радистом лесного отряда Делиньшем. В деловой части Будрис обращался к Силайсу и просил его не давать координаты его отряда неизвестным лично Силайсу людям.

Эта часть радиограммы и встревожила и рассердила Лидумса: по-видимому, «Норд», даже не посоветовавшись с Лидумсом, пытался подкинуть Будрису еще каких-то своих шпионов. Может быть, для дополнительной проверки, а возможно, и для спасения их от чекистов. Но и в том и в другом случае затея была чрезвычайно опасной и для Будриса и еще больше — для Лидумса. Эти попытки надо было во что бы то ни стало отбить, и хорошо, что Будрис прямо сказал в своей радиограмме, что в случае появления в расположении его отряда неизвестных лиц он не гарантирует их безопасности.

Но не эти вопросы и волнения Будриса заставили Нору привезти радиограмму Лидумсу: вторая ее часть была посвящена личным делам Лидумса. Лидумс удивленно читал:

«Дома у нашего друга все благополучно. Мирдза регулярно получает его письма, которые готовит Янко, правда, не очень умело: подводит почерк. Но в первом письме Янко сослался на контрактуру правой руки...»

Лидумс невольно пошевелил пальцами правой руки: она была в порядке. Но что бы могла означать эта часть радиограммы?

Он знал Будриса и знал, что каждое его слово дороже золота. В этих немногих словах скрывалось серьезное предупреждение, адресованное ему, Лидумсу, предупреждение, которое он должен прочитать между строк, если не прочтет в самих строках. Итак, что же пишет ему Будрис?

В той части радиограммы, которая обращена к Силайсу, Будрис пишет скорее всего о Томе и Адольфе. По-видимому, Ребане, этот старый лис, а Ребане и значит именно «лис», пытается затолкать своих внезапно воскресших любимчиков прямо в группу Будриса. Но если Будрис не может вести наблюдение за Томом и Адольфом, то почему он не хочет взять их в свою группу хотя бы для того, чтобы обезвредить их? А если Том и Адольф находятся под его контролем, то почему Будрис стремится показать, будто они все время получают «интересный» материал, которым так гордится Ребане?

Но была и еще фраза в послании Будриса: «Мирдза регулярно получает его письма, которые готовит Янко, правда, не очень умело: подводит почерк...»

Мирдза и Янко — какая в этом связь? Как может Мирдза знать почерк Лидумса, если Лидумс никогда с ней не переписывался? А Янко? Это же наш Делиньш, известный англичанам под кличкой «Барс». Заслуженный радист ее величества королевы, обученный Вилксом, имеющий с легкой руки Вилкса личный счет в Государственном банке Англии за доблестную и умелую службу. Но он никогда не видел Мирдзу и ничего не знает о ней. И вообще Мирдзу никто не знает. Лишь Будрис помнит историю о том, как художник Викторс Вэтра, ставший затем Лидумсом, позже Казимиром, написал однажды картину «Ожидание» — девушку у моря. И писал он ее давно, почти три года назад, на побережье Балтики, в Майори. Вот на этой картине и была изображена на первом плане эта милая девушка, студентка филологического факультета, испанистка, которую звали Мирдза. Потом была ссора с женой, ее ревность не столько к девушке, сколько к удачной картине, ведь жена тоже художница, а люди искусства ревнивы к чужому успеху, вспомним Моцарта и Сальери, хотя, погоди, это уже совсем ни к чему...

А между тем письма «готовит Янко, правда, не очень умело: подводит почерк...».

Так, а если перейти отсюда к Тому? Писем в Англию он не пишет, хотя такой канал связи у него, несомненно, был. А почему Роберт Ребане, всегда подчеркивавший свое превосходство перед низшими по положению, сейчас лебезит перед радиооператорами? Почему он так усиленно добивается унижения, а может, и изгнания Лидумса из «Норда»? Не тут ли зарыт этот «лис», хвост которого ему показывает Будрис?

Теперь он постоянно держал в памяти телеграмму Будриса, хотя и понимал, что не знает всех составных частей шарады. Но он знал, что рано или поздно найдет это недостающее звено, и тогда шарада зазвучит победным боем.

А меж тем к нему зачастили гости. Приехал Малый Джон и привез билеты в оперный театр — абонемент на все весенние концерты и спектакли. Пришла посылка из книжного издательства — десяток романов, которых Лидумс не заказывал. Моррис привез коробку сигар и сообщил, что «это от полковника Скотта», а полковник Скотт давно уже готовится сесть на место Маккибина. Акции Казимира все повышались, следовало лишь запастись терпением.

И он ждал.

Продолжение следует.

Интервью «Огонька»

РАЗГОВОР О ПОРТРЕТЕ

Недавно корреспондент «Огонька» Эльвира Попова побывала в мастерской известного советского портретиста, народного художника СССР, академика В. П. Ефанова. Разговор шел о портрете. О том, как портрет создается, в чем особенности и трудности этого живописного жанра, как он живет и развивается в наше время... Ведь все это тема очень близкая Василию Прокофьевичу: сорок пять лет его творческой жизни отдано портрету.

— Еще занимаясь в студии замечательного педагога и мастера Д. Н. Кардовского,— рассказывал художник,— я много работал именно в этом жанре. А позднее даже и картины мои представляли собою групповые портреты. И каждый раз новое лицо становилось для меня загадкой, предметом творческих поисков и источником открытий. Ведь задача моя не ограничивалась воспроизведением внешнего сходства. Я стремился запечатлеть характер, мысли, чувства, всю сложную внутреннюю жизнь, психологию человека, так как именно передача духовного облика — наша главная задача и наша главная трудность.

Только когда это удается, рождается портрет...

Рождается то его очарование, притягательная сила, если хотите, магия, что влекут поколение за поколением к шедевру Леонардо — «Джоконде». Заставляют нас, раз увидев, помнить всю жизнь умновластное, непреклонно-жестокое лицо веласкесовского Иннокентия X. Или вдохновляют советского поэта Николая Заболоцкого на стихи о красавице, два века назад позировавшей Федору Рокотову:

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас...

...Да, загадочный, не имеющий равных в своем веке Рокотов; Никитин, посланный Петром I за границу, «дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастера»; блистательные Левицкий, Боровиковский, Кипренский, добрый Тропинин, проницательный Крамской, титаны Репин и Серов... Поистине мы, советские портретисты, чей долг — создавать галерею образов наших славных современников, можем считать себя счастливыми, являясь наследниками, восторженными приверженцами столь великих и многообразных художественных традиций, неизменно утверждавших высокий реализм. Продолжая их теперь в своем творчестве, обогащая и развивая дальше, каждый из нас находит в неисчерпаемой, удивляющей разнообразием русской художественной сокровищнице нечто особенно ему дорогое, близкое его творческому темпераменту.

Я был рад, когда выразительно продемонстрировала это прошедшая в нынешнем году IX академическая выставка, где портрет был представлен очень широко, разнообразно.

Павел Корин. Это имя в советской портретной живописи связано с изображением героического в человеке, высоких порывов творческого духа.

Корин решает образ портретируемого всегда несколько обобщенно, подчиняя все второстепенное, особенно интимное в человеке тому главному, что хотел запечатлеть. Вспомните коринские портреты художников: мудрый и гордый, будто отчеканенный профиль Сарьяна, взволнованного Нестерова, увлеченного беседой об искусстве, вдохновенное лицо Коненкова, глядя на которое мы явственно ощущаем, что перед мысленным взором скульптора возник требующий воплощения художественный образ... В принадлежащих кисти Корина портретах полководцев,— маршала Ф. И. Толбухина, П. С. Рыбалко словно воплощены сила и гордость нашего великого народа-победителя. Даже то, что, казалось бы, могло отвлечь от главного — человека: ордена, регалии, парадный мундир,— у большого мастера придает портрету торжественность! Именно таков экспонировавшийся на нашей IX академической выставке и воспроизведенный здесь в номере портрет ныне четырежды Героя Советского Союза маршала Г. К. Жукова, прославленного советского военачальника, созданный П. Д. Кориным в 1945 году...

На той же выставке было показано и несколько совсем иных по настроению, теме, манере письма портретов, исполненных старейшим из советских живописцев Иваном Владимировичем Косминым.

— Василий Прокофьевич, расскажите, пожалуйста, подробнее об этом мастере. О нем, к сожалению, услышишь не так уж часто...

— Весьма охотно. Космин не только великолепный мастер. У него замечательная биография. Еще в детстве удивлял он всех в родной деревне Слепухе, что под Ельцом, необычайным даром к рисованию. Нашлись тогда добрые люди, поддержали крестьянского мальчонку — послали учиться. Сначала в Воронеж, после в Пензенское художественное училище, откуда, как первый ученик, был Иван Космин без экзаменов принят в императорскую Академию художеств в Петербурге. Окончил ее И. В. Космин по мастерской Владимира Маковского с золотой медалью. И на первых же выставках о работах молодого художника заговорили. Особенно о женских его портретах, которым И. В. Космин, часто работавший в тонкой технике пастели и капризной, не терпящей поправок акварели, умел придать поэтичность, очарование. Один из таких портретов на осенней академической выставке 1916 года был отмечен весьма редко присуждавшейся премией имени французской портретистки Элизабет Луизы Виже-Лебрён. Я видел у Ивана Владимировича пожелтевшие страницы журнала тех времен, где отмечались «мастерство рисунка и общий благородный колорит мягких пастельных тонов, кроме большого сходства...» С тех пор мастером было запечатлено множество как женских, так и мужских образов. Но все же и на нынешней выставке лучшей из всех представленных работ И. В. Космина оказался, на мой взгляд, именно портрет женщины — писательницы Анны Караваевой.

Обратите внимание, как главенствует здесь лицо. Фигура только намечена легкой и уверенной линией рисунка. Цвет одежды совершенно слит с фоном. Лишь некоторые детали, выделенные другим цветом — мех, кружево, брошь,— выявляют тонкость общего колорита и опять-таки оттеняют лицо. Я знаю, что серьезно, углубленно работал И. В. Космин над этим портретом: все зимние месяцы 1939—1940 года. И мастерство реалиста, стремление точно воспроизвести внешние, линейные черты облика человека и вместе умение за этими чертами видеть и воплощать его внутренний мир дали художнику возможность создать вдумчивый и яркий, выразительный и проникновенный образ женщины — творческой личности.

— Пожалуйста, Василий Прокофьевич, несколько слов о портретных работах А. И. Лактионова. В чем их своеобразие?

— Лактионов работает над портретом по-своему, громадное значение придавая натуре — облику портретируемого. Представленный на вкладке номера портрет президента Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мусхелишвили я бы причислил к несомненным удачам Лактионова-портретиста. Художник сумел не только воссоздать образ человека — я знаю Н. И. Мусхелишвили, и он на лактионовском портрете очень похож,— но и ввести нас в ту атмосферу сосредоточенности и тишины, которая обычно окружает ученого. Мягко, обобщенно решены фон, одежда, аксессуары. Все внимание сосредоточено на лице и — руке. Ведь руки говорят о человеке очень много. Они как бы его второй портрет. Я по своей практике знаю: если даже самым что ни на есть великолепнейшим образом написать лицо, а рукам не уделить должного внимания, то портрет не будет не только правдивым, глубоким,— он вообще окажется непохож.

Вот почему, прежде чем начать писать, я долгое время узнаю свою модель, ближе знакомлюсь с человеком, которого должен запечатлеть. Наблюдаю за тем, как он живет в привычной для него повседневной обстановке, примечаю его характерные позы, жесты, ловлю такое выражение лица, которое наиболее ярко раскрывает внутреннюю психологию, содержание его личности. Цвета одежды моей будущей модели, предметы обстановки подсказывают мне примерное цветовое, колористическое решение произведения. Характер человека, его манера двигаться, смотреть, общаться с собеседником часто предопределяют композиционную схему. Именно так работал я над портретом академика И. В. Курчатова, репродукция которого была напечатана в № 39 «Огонька». Совсем иначе шла работа над воспроизведенным на вкладке этого номера портретом Я. М. Свердлова. Я ознакомился с десятками фотографий, прочел множество книг, особенно мемуарной литературы, чтобы почувствовать и словно бы увидеть живого Свердлова. И потом в простой композиции — Яков Михайлович обращен лицом к зрителю (будто встретился он вам в кулуарах партсъезда или в помещении ВЦИК...), в тревожно-багровой гамме портрета стремился я одновременно и воссоздать грозную и славную атмосферу эпохи и прославить скромный и величавый героизм человека, революционера, вождя, всю жизнь без остатка отдавшего народу. Главное внимание при этом, как и всегда, я уделил глазам, в которых отражены свердловский ум, воля, доброта, мягкость и непреклонность.

...О портрете можно говорить бесконечно много и долго. Особенно если ты сам всю жизнь работаешь в этом жанре. Но мне кажется, что уже пора предоставить возможность уважаемым читателям самим внимательнее рассмотреть цветную вкладку номера, которая целиком посвящена портретным произведениям. И пусть сами репродукции продолжат и дополнят наш разговор о прекрасном, трудном и вечном искусстве портрета.

И. Космин. ПОРТРЕТ А. КАРАВАЕВОЙ

А. Лактионов. ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР Н. И. МУСХЕЛИШВИЛИ

„БУРАН", „БУРАН"! Я — „ЗАРЯ"!

На занятиях по кинофотоподготовке. Космонавты (слева направо): А. Г. Николаев, Ю. А. Гагарин, Б. В. Волынов, Г. С. Шонин.

Фото В. Базанова

РЕПОРТАЖ ИЗ КООРДИНАЦИОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА

Андрей ЕРМОЛИН,
научный сотрудник

В баллистической группе идет обсуждение, как поднимать корабль на более высокую орбиту: когда, где и сколькими импульсами. В комнате стоит треск аппаратов громкой связи, передающих информацию с наземных измерительных пунктов. Но тут начинает потрескивать аппарат громкоговорящей связи, по которому ведется трансляция бортовых передач. Разговоры мгновенно прекращаются.

«Буран», «Буран»! Я — «Заря». Как слышите?»

Я в Координационно-вычислительном центре. Здесь следят за полетами спутников и космических кораблей, готовят завтрашние полеты, решают самые различные задачи по навигации космических аппаратов, ведут огромную научную и исследовательскую работу. И пусть об этой работе не всегда знают и пишут, но без нее не обходится ни один космический полет. И от полета к полету точность расчетов и их надежность улучшаются, так как работа над их совершенствованием никогда не прекращается.

Корабль вошел в зону видимости дальневосточного измерительного пункта. Из динамика некоторое время слышится шум и треск, но вот он неожиданно обрывается, и в комнате раздается удивительно четкий голос.

«Я — «Буран». Я — «Буран». Слышу вас хорошо. Состояние отличное...» Дальше следует доклад по «форме» о состоянии систем корабля и ходе выполнения программы. Затем, когда окончен деловой разговор, «Буран» позволяет себе поговорить о своих эмоциональных впечатлениях. Как миг, пролетают эти несколько минут...

Все возвращаются к прерванному разговору. Слово берет молодой баллистик. Здесь большинство специалистов молоды.

Впрочем, это понятно. Космическая эра началась всего 12 лет назад, и работают тут молодые представители молодой науки. Эта наука вобрала в себя все самое передовое, стала неким синтезом математики и электроники, биологии и медицины, космических наук, рождающихся на наших глазах. И рядом с теми, кто провожал в полет Гагарина, кто первым просчитывал параметры орбиты «Востока», сейчас трудятся эти совсем молодые люди.

Обсуждение, возобновившееся вновь, находит решение: «Немного приподнять орбиту, дать импульс метров пять-шесть, а завтра по хорошей орбите провести вторую коррекцию с большей точностью...»

После дополнительного обсуждения деталей принимается решение о проведении коррекции; оно и сообщается в Центр управления полетом.

В машинном зале — сияющие голубоватой краской и никелем электронно-счетные машины. Над пультом склонился один из ведущих специалистов по расчету орбит: времени в обрез, решение нужно получить как можно быстрее. Пальцы привычно пробежали по кнопкам пульта; набрана нужная команда по вызову программы расчета. Нажимается кнопка «Пуск». Зашуршали лентами магнитофонные катушки, на пульте побежали огоньки сотен розовых неоновых лампочек: началось «считывание» программы. Пока вызывается программа и записывается в оперативной памяти машины на магнитные барабаны, принесли информацию — стопку перфокарт. Включается читающее устройство. Ввелась информация, на пульте набраны нужные команды... и задача начала решаться. И вот уже медленно выползает широкая лента бумаги, на ней строчки цифр. Это самые необходимые для дальнейших расчетов сведения: время прохождения экватора, период обращения, наклонения, минимальная и максимальная высоты орбиты, баллистический коэффициент. Данные сразу же передаются в группу оперативного анализа.

Затем машина поступает в распоряжение специалистов группы прогноза. Получив достоверное решение орбиты, ученые составляют ее прогноз: изменение элементов на несколько часов, иногда на сутки вперед. Программа расчета прогноза, пожалуй, чаще всех остальных переделывается и дополняется: уточняются сведения о силах, действующих на корабль в полете.

Подходит очередь группы расчета коррекции. Снова на машине «вызывается» нужная программа, и начинается расчет коррекции. Рассчитанные команды выдаются группе анализа и после утверждения идут в Центр управления полетом.

В пилотируемом полете тройки «Союзов» космонавтам предоставлена значительная самостоятельность в работе. И коррекция орбиты на этих кораблях проводилась вручную.

Корабль ушел из зоны радиовидимости. В главном оперативном зале небольшое совещание о полете. Здесь собрались представители тех организаций, которые участвуют в проектировании, разработке и создании этих пилотируемых кораблей. Каждый из них отвечает за свою часть программы. Итогами работы все довольны: программа полета выполняется, радиосвязь отличная, и телепередачи из космоса позволяют взглянуть на космонавтов, разобраться в их действиях.

Главный оперативный зал всегда поражает меня своей монументальностью, строгостью. Вспоминается один из запусков, когда сюда приехал Юрий Гагарин вместе с Павлом Беляевым. В черном костюме, веселый, добродушный, Юрий Алексеевич сразу привлек внимание всех сотрудников. За столом, где он сидел, то и дело слышались раскаты смеха. Потом, помню, Гагарин подошел к баллистикам, работавшим в соседней комнате, и долго стоял у карты Советского Союза, где были кружками нанесены зоны видимости наземных измерительных пунктов. Наверное, вспоминал свой первый виток.

Теперь эта карта устарела, и вместо нее в оперативном зале на большом, во всю стену экране высвечивается красочная карта мира. На ней желтыми кружками — измерительные пункты. Тонкой белой кривой через весь экран проходит трасса полета, и по ней белая яркая точка отслеживает движение космических кораблей. Через каждые 88 минут точка начинает новое движение из одного конца карты в другой.

Длинный стол через весь зал. За ним обычно происходит совещание представителей Госкомиссии и ведущих специалистов. Голубоватая драпировка на стенах, сплошной толстый ковер на полу гасят шум от разговоров. В зале стоит тишина, нарушаемая время от времени докладами главного оперативного дежурного. Сидят здесь космонавты Алексей Леонов и Евгений Хрунов — пришли поболеть за своих товарищей.

Сутки за сутками «Союзы» наматывают виток за витком. И вот последняя ночь. Машины в распоряжении группы расчета спуска, «друзей-спусковиков», как их зовут космонавты. Самый ответственный участок космическо-

го полета — участок спуска. И не случайно у космонавтов самым лучшим пожеланием считается: «Счастливой посадки!»

Спусковикам требуется для определенного витка рассчитать уставки на спуск (это слово «уставки» как-то непривычно слышать): величину и направление тормозного импульса, время включения и время работы тормозной двигательной установки. Корабли серии «Союз» можно спускать как в баллистическом варианте (без подъемной силы), так и в управляемом, используя изменяющуюся по определенному закону подъемную силу. При управляемом случае корабль, используя подъемную силу, скользит в атмосфере. За счет увеличения пути торможения уменьшаются перегрузки: полет становится более «комфортабельным». Кроме этого, управляя подъемной силой, можно посадить корабль с большой точностью.

И вот наконец наступает последний ответственный момент. Яркая точка по трассе полета на экране приближается к берегам Африки. На правом экране меньшего размера высвечиваются характеристики участка спуска: величина импульса, время включения и точка посадки. Как медленно течет время! Пять суток назад вот так же мы волновались и не могли дождаться старта ракеты.

Теперь, затаив дыхание, ждем отработки тормозного импульса. Наконец этот долгожданный момент настал. Где-то над Гвинейским заливом корабль сориентировался в нужном направлении. Двигатель отработал положенные десятки секунд. Скорость корабля уменьшилась, и он перешел с орбиты спутника на траекторию спуска. Автоматика корабля по сигналу программно-временного устройства отделяет спускаемый аппарат от орбитального отсека и ориентирует его теплозащитным экраном навстречу набегающему потоку. Со скоростью почти 8 километров в секунду фара спускаемого аппарата врезается в атмосферу. Начинается работа системы управления спуском. Система разворачивает аппарат таким образом, что он скользит по набегающему потоку теперь уже раскаленного до температуры в несколько тысяч градусов газа. Вся аппаратура корабля и кресла космонавтов расположены так, чтобы центр тяжести был в определенном месте. Тогда, поворачивая аппарат относительно продольной оси с боку на бок, по крену, можно управлять подъемной силой. Поступают сигналы, подтверждающие включение двигателя на торможение. Вот корабль, раскаленный огненным жаром, пронесся над Африкой, Кавказом, Каспийским морем. Прекратилась радиосвязь — корабль окружен сплошным слоем ионизированного газа. Но внутри корабля температура воздуха даже не повысилась. Толстое теплозащитное покрытие, оплавляясь, рассеивает тепловую энергию раскаленного воздуха.

Наконец скорость погашена, и на высоте нескольких километров раскрываются парашюты, и аппарат плавно опускается на поверхность Земли. Связь возобновляется, космонавты сообщают о ходе этого последнего участка полета. На расстоянии нескольких метров от поверхности включается двигатель мягкой посадки, и аппарат, как бы опершись на струю двигателя, мягко опускается. Полет закончен.

С вертолета заметили куполы парашюта. К кораблю спешат сотрудники поисково-спасательного комплекса. Посадка корабля осуществлена с большой точностью. Отклонение точки посадки от расчетной составило 20 километров. Один корабль из космического каравана закончил свой рейс, и вот он снова на родной земле...

А затем, как по расписанию, с интервалом в сутки, Карагандинская степь встречает остальных исследователей космоса — экипажи кораблей «Союз-7» и «Союз-8»...

Только что закончился еще один важный космический эксперимент, и уже начинается работа по анализу прошедшего полета: делаются выводы о работе различных служб КВЦ, о качестве баллистического обеспечения полета. Эти выводы и обобщения — результаты экспериментов и данных научных наблюдений — затем будут использованы при следующих космических полетах. КВЦ работает. Здесь готовится завтрашний день советской космической науки...

НА РАБОТУ — В КОСМОС

Е. РЯБЧИКОВ

Корабль за кораблем вышли на орбиту три советских космических летательных аппарата. Миллионы людей увидели космонавтов на голубых экранах телевизоров. Космовидение разрушило представление о громадности расстояний: казалось, мы вошли в кабины кораблей и находимся рядом с семеркой бесстрашных.

...Романтика, которой окутан «Звездный городок», постепенно рассеивается по мере знакомства с тем, как Человек готовится к полету в звездный океан. Нелегкая, а порой и очень сложная работа — вот что завладевает твоим сознанием. Работа, работа, работа... Дисциплина. Организованность. Самообладание всегда, везде, при любых обстоятельствах. И все это окрашено любовью к своим близким, к семьям — женам, детям, родителям.

Тот вечер, когда все дела были закончены и космонавтам объявили, что они могут расходиться по домам — готовиться к утреннему полету на космодром,— был удивителен своей прозаичностью, спокойствием и деловитостью.

Владимир Шаталов шел по аллее «Звездного городка», посматривал на кремового цвета дома-башни с синими лоджиями, на алый луч солнца, подбрасывал ногой опавшие желтые листья и рассказывал. Накануне он затеял ремонт квартиры, убрал с женой и детьми всю мебель, маляры приступили к работе, да вот задержались, и до отлета придется кое-что сделать в столовой и спальне... Говорил Шаталов о делах и заботах Музы Андреевны, Леночки, Игоря...

Я слушал его, отметил про себя, как светло он улыбнулся, когда речь зашла о его домашних, и подумал: его сердце — с семьей, он живет детьми, женой, своими родителями и все же вновь уходит в полет. Как бы прочитав мои мысли, Владимир Александрович сказал:

— Понимаете, это очень важно — второй раз побывать в космосе. Почему? Теперь сможешь принести куда больше пользы, будешь работать с полной отдачей. В первом полете много времени ушло на то, чтобы осмотреться, освоиться, привыкнуть к невесомости, к перегрузкам на взлете и при посадке, а теперь уже с первой минуты станешь заниматься только программой, полноценно работать.

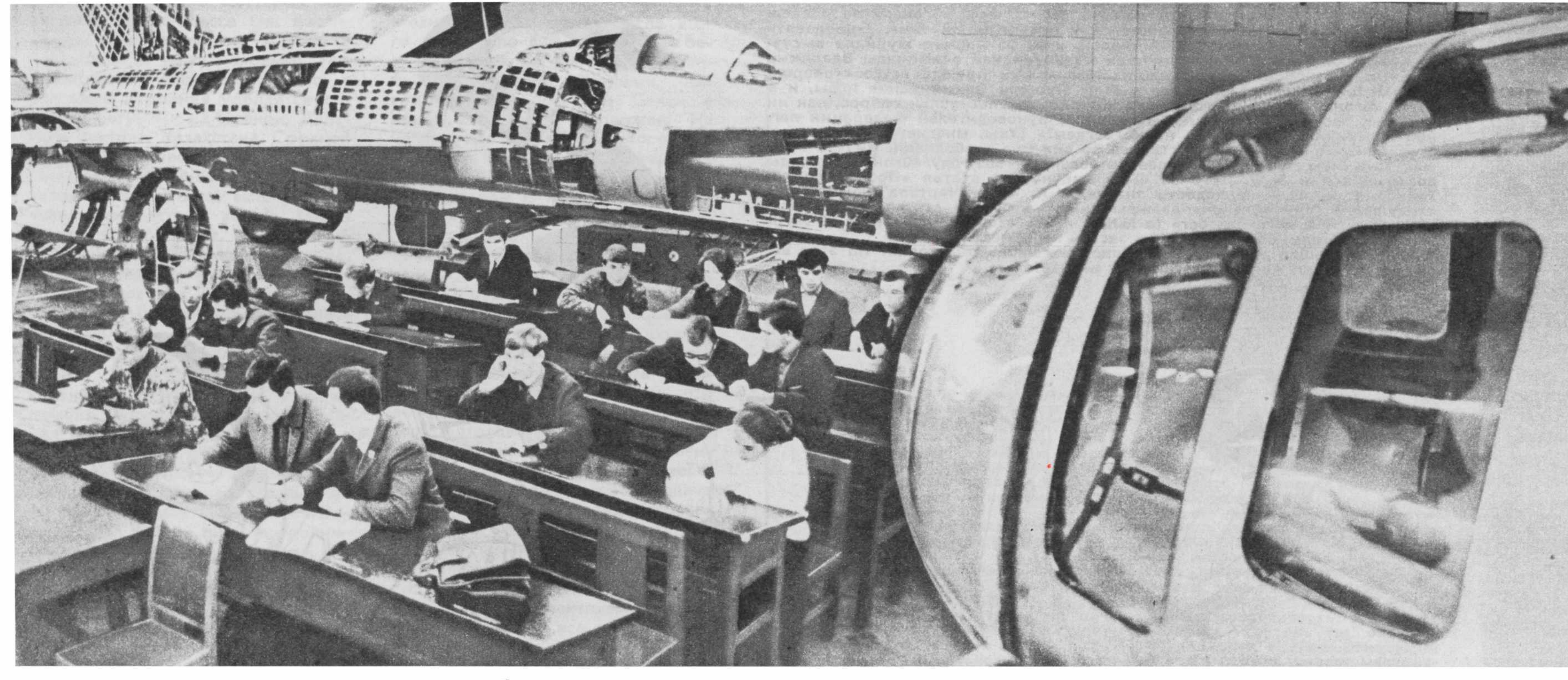
Дома Владимира Александровича ждали. Леночка рассказала отцу о своих школьных делах, Игорь, расположившийся за обеденным столом со своими конспектами, спросил отца, что нужно сделать. Принес большой чемодан, раскрыл его и снова занялся конспектами. Муза Андреевна и Леночка вынули из шкафов белье, галстуки, носки, сорочки и стали тщательно укладывать в чемодан. Шаталов рассмеялся и попросил их не особенно усердствовать, не перегружать чемодан. Потом сел к телефону, позвонил Филипченко, Шонину и другим товарищам по полету. Шаталов не только командует «Союзом-8», он командир всей группы космических кораблей. Друзья ответили Владимиру Александровичу: все в порядке, все идет хорошо. Шаталов посмотрел на часы — пора спать!

Утром, чуть забрезжил рассвет, в квартире вспыхнули люстры. По старому русскому обычаю Шаталов с семьей присели перед дальней дорогой. Леночка, стараясь скрыть волнение, перебирала пальцами платок, Игорь тоже пытался быть спокойным и весело болтал о студенческих делах. Муза Андреевна поправила воротничок мужа, провела пальцем по его старательно выбритой щеке, улыбаясь, припала к плечу.

Владимир Александрович посмотрел на часы: пора! Он поцеловал Леночку, провел ладонью по темным волосам Игоря, крепко обнял жену. Потом взял чемодан и неторопливо пошел к двери. Игорь выхватил у отца чемодан, взял отцовскую шинель, Леночка и Муза Андреевна торопливо оделись и догнали Владимира Александровича у лифта. Со всех этажей уже спускались космонавты. Появился Алексей Леонов, он дружески приветствовал Шаталова, взял у Игоря чемодан и сам понес его к автобусу.

На аллее выстроились вереницей машины, автобусы. Уезжающие прощались с семьями. Я смотрел и думал: вот сейчас Леночка побежит в школу, Игорь помчится в институт, Муза Андреевна направится в Министерство сельского хозяйства, а глава семьи — на работу в космос.

...Солнце уже поднялось над бетонными полосами аэродрома. Два серебристых «ТУ-104» ждали космонавтов. По-мужски сдержанно и строго попрощались друзья. Семерка бесстрашных заняла места в салонах воздушных кораблей. Их уже ждали на космодроме.

И каждый видит себя в кабине космического корабля...

ТРОПИНКА УЖЕ ПРОТОПТАНА

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ.
Фото авторов.

Московский ордена Ленина авиационный институт имени Серго Орджоникидзе

Зачетная книжка № 52/147

Фамилия, имя, отчество Кубасов Валерий Николаевич

Факультет самолетостроительный

Специальность

Поступил ... на 1 курс из средней школы, серебряная медаль, 1952

Зам. директора по учебной и научной работе

Декан факультета

(дата выдачи зачетной книжки)

Зачетная книжка Валерия Кубасова.

В Московском авиационном институте ликование. Лозунги, листки-«молнии», стенгазеты сообщают: «В космосе двое наших!», «Выпускники МАИ на орбите!», «Сварка в космосе — сделано!» В историю появления последнего лозунга нас посвятил профессор Ашот Леонович Абибов, на кафедре которого Валерий Кубасов готовил и защищал дипломный проект:

— Кубасов был студентом энергичным, собранным, способным и упрямым. Посмотрите его зачетку: почти одни пятерки. А то, что сейчас именно он провел в космосе эксперименты со сваркой, совсем не случайно: давно этим делом увлекся. Будучи студентом, он проходил технологическую практику на одном из заводов. Там в цехе стоял неисправный, бездействующий сварочный автомат. Валерий начал с ним возиться, разобрался что к чему и пустил в ход. Отработал на этом автомате до конца практики, и автомат этот вошел в строй действующего оборудования предприятия. Так что Кубасову, как говорится, сам бог велел стать первым космическим сварщиком...

Старший преподаватель Александр Борисович Логинов, судья международной категории по волейболу, у которого Владислав Волков слушал курс, был и спортивным наставником будущего космонавта. Он показал нам свой блокнот 1955 года. Листаем разлинованные странички: футбол — Волков, ручной мяч — Волков, баскетбол — опять он же, хоккей... На хоккей Александр Борисович просит обратить особое внимание: тут Волков был игроком блистательным, по этому виду ему без натяжки можно дать звание мастера...

— У нас за эти годы прошли многие сотни студентов. Всех разве запомнишь! А вот Волкова помним, уж очень известным он был у нас спортсменом,— добавляет присутствующий при нашем разговоре профессор Галим Галеевич Абдрашитов, которому Владислав сдавал экзамены.— Но спортивные увлечения не помешали ему отлично защитить дипломный проект.

И вот теперь на примере Валерия Кубасова и Владислава Волкова мы видим — путь в космос ученым открывается все шире. Так что скоро и профессора на орбите появятся, тем более, что ученые заметно помолодели, встретить тридцатилетнего доктора наук уже не диво...

В Московском авиационном сегодня шумно, радостно, но деловито. Идут лекции, лабораторные работы, готовятся курсовые и дипломные проекты. И каждый студент втайне видит себя летящим в звездных высях. А почему бы и нет? Тропинка-то уже протоптана!

Они выводили на «орбиту науки» будущих космонавтов — профессора В. П. Соколов, И. И. Дракин, А. Л. Абибов, доцент Н. М. Бирюков и профессор А. А. Лебедев.

Владислав Волков (второй справа) — вратарь футбольной команды факультета. 1955 год.

Фото А. Логинова.

В космосе наши!

Бег — основа легкой атлетики, так же как сама легкая атлетика — основа всей олимпийской программы. Вот почему «Огонек» за последние годы неоднократно возвращался к этой важной теме. Еще девять лет назад, перед римской олимпиадой, в № 25 нашего журнала выступил мировой рекордсмен и чемпион мельбурнской олимпиады Владимир Куц. Он взвешивал шансы наших бегунов, и прежде всего стайеров, отмечая снижение результатов в беге. Прошли Олимпийские игры, и в № 47 «Огонька» за 1961 год снова широко был поставлен вопрос, как ни странно, заставший врасплох тогдашних руководителей Федерации легкой атлетики: «Почему мы плохо бегаем?» (Увы, многие проблемы, поставленные в этой статье, остались до сих пор злободневными.) За этим выступлением журнала последовали новые. В 1965 году «Огонек» трижды возвращался к бегу. В № 32 была напечатана статья «Послесловие к Токио», в № 40 — «Молодость знает», в № 43 — «Чертова дюжина». В следующем году «Огонек» дважды пишет о беге в статьях «Расколдованный круг», «И снова бег» (в №№ 3 и 28), а в 1967 году в № 29 журнал снова напоминает, что «Бег и застой несовместимы».

И вот прошло еще два года. Каков же наш бег сегодня? На этот вопрос и отвечают авторы статьи «Бег на месте».

Владимир КУЦ,
заслуженный мастер спорта,
Стив ШЕНКМАН

Рисунки В. Черникова.

БЕГ НА МЕСТЕ

Еще восемь лет назад в статье «Почему мы плохо бегаем?» «Огонек» попытался широко вскрыть причины отставания наших бегунов. Положение уже тогда было достаточно тревожным. Мы значительно отставали от международного уровня, в списке мировых рекордов лишь пять результатов принадлежали нашим бегунам. По итогам Олимпийских игр в Риме, где советская команда легкоатлетов оставила на втором месте американцев, советские бегуны уступили американским 36 очков.

Разговор, поднятый журналом, оказался своевременным. Его поддержала общественность. Но Федерация легкой атлетики не сделала для себя никаких выводов. И вот прошло восемь лет. На Олимпийских играх в Мехико наши бегуны проиграли американским уже 110 очков. И эти очки оказались решающими в неофициальном общекомандном подсчете. Из пяти мировых рекордов, принадлежавших нам в беге, в 1961 году сохранился лишь один — на дистанции 3 тысячи метров с препятствиями. Во всех беговых номерах олимпийской программы (кроме 100 метров у мужчин) разрыв между мировым рекордом и рекордом всесоюзным увеличился. Наши бегуны проигрывают теперь не только американским спортсменам, но и спортсменам ГДР, Польши, Франции, Англии. На чемпионате Европы 1966 года советские бегуны принесли своей команде всего 47 очков, тогда как на чемпионате континента в 1958 году они набрали 114 очков. Немногим лучше было положение и на чемпионате Европы 1969 года в Афинах. Здесь наши бегуны набрали всего 54 очка, и если мужчины сумели добыть две золотые медали из тринадцати возможных, то женщин ожидал полный провал. На всех дистанциях от 100 до 800 метров они даже не попали в финалы и не принесли команде ни одного очка. А ведь еще совсем недавно наши бегуньи завоевывали олимпийское золото и другие почетные призы.

Неудачи бегунов вызывают серьезное беспокойство. Об этом говорит не только поток критических высказываний печати, но и целый ряд организационных мер, принимаемых нашими газетами и журналами, в частности всесоюзный кросс «Правды», кубок «Известий» и т. д.

Да, мы сдали свои позиции в беге. И дальше отступать нельзя. Просто некуда. И если мы хотим раскрыть причины этого отставания, нам надо со стадиона отправиться в школу, обычную среднюю школу.

Чтобы разобраться в причинах наших неудач, вспомним... геометрию. По крайней мере одну геометрическую фигуру, называемую пирамидой. Она имеет к предмету нашего разговора самое непосредственное отношение, ибо, согласно известной формулировке, спорт — это пирамида, где вершиной являются достижения национальной сборной, а основанием — развитие массового и прежде всего детского спорта. Чем шире, чем прочнее основание, тем выше вздымается вершина.

Да, в неудачах наших бегунов виновата прежде всего средняя школа. Как давно уже утверждают специалисты, двух уроков физкультуры в неделю совершенно недостаточно: каждому школьнику необходимо один час в день посвящать физическим упражнениям. Легкая атлетика, а с ней и бег в школе не в почете. Но кому же бегать, как не ребятам? Это ведь один из самых естественных, самых эмоциональных видов спорта. А для того, чтобы показывать высокие результаты в беге, и притом не только на коротких, но и на длинных дистанциях, необходимо заложить основы с детства. Если же к этому добавить, что невнимание к бегу существует не только в городских школах, но и еще в большей степени в сельских, многое станет ясно. Ведь славнейшие наши бегуны выросли в деревне — П. Болотников, Н. Откаленко, А. Игнатьев, Ф. Ванин и другие. И именно в деревне находят сейчас своих замечательных бегунов тренеры ГДР. Бег — неоценимое по эффекту упражнение, однако у Министерства просвещения и Академии педагогических наук особая логика, понять которую не всегда легко: они почти не оставили в школьной программе места для бега.

Но представим себе молодого бегуна, который сумел проявить свои способности, с успехом продолжил занятия в детской спортивной школе, укрепил свои силы на многих соревнованиях и пришел в большой спорт. С чем он там столкнется?

Были у нас братья Знаменские, Максунов, Ванин, Пугачевский, были олимпийские чемпионы послевоенных лет, была своя школа бега. Ее бы развивать, совершенствовать, вбирая опыт сильнейших зарубежных мастеров. Но нашлись любители легких путей. Наслышавшись, к примеру, об интервальном методе, они объявили его универсальным средством для подготовки бегунов высокого класса, волшебной палочкой, которая откроет двери в кладовую олимпийских медалей.

Потом увлечение модой стало модным. Стоило какому-либо иностранному тренеру начать рекламу своего метода тренировки, как мы срочно принимали этот метод на вооружение. Вот один из примеров нашего бездумного шараханья из стороны в сторону. Работает в Новой Зеландии Артур Лидьярд, подготовивший нескольких бегунов очень высокого класса. Лидьярд считал, что выработать выносливость можно лишь с помощью больших беговых нагрузок, и лучшие его ученики регулярно пробегали 100 миль в неделю. И вот метод Лидьярда немедленно был признан волшебной палочкой, и перед самым чемпионатом Европы 1966 года наши сильнейшие средневики и стайеры были переведены на тренировку по новозеландской системе. А в результате — полнейший провал в Будапеште.

Увы, и в последующие годы мы вместо того, чтобы развивать свою школу бега, шарахались из стороны в сторону.

В 1961 году на тбилисском стадионе «Динамо», где проходил очередной чемпионат страны, корреспонденты «Огонька» попросили некоторых спортсменов и тренеров высказать свое мнение о причинах отставания бега. Восемь лет спустя тбилисские монологи уступили место киевским. На чемпионате страны в Киеве мы встретились с нашими старыми собеседниками и, присоединив к ним новых, снова вернулись к наболевшему вопросу.

Феликс Суслов. Восемь лет назад я говорил, что у нас царит разброд в методике. Теперь мы

научились готовить мастеров. Но бегунов экстра-класса мы воспитывать еще не умеем. Я живу в Казахстане и вижу, сколько там талантливых спортсменов. Но у нас мало внимания уделяется работе с бегунами из Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии. Даже несмотря на малое внимание к бегунам из восточной части страны, оттуда вышли такие известные мастера, как Л. Микитенко, А. Морозов, А. Курьян, Л. Иванов, В. Савинков и другие. Представляете, каких высококлассных бегунов мы могли бы получить, если бы работа там велась серьезно?

Михаил Лавров. Мы никак не можем выработать приемлемый календарь соревнований. У сильнейших спортсменов соревнования наползают одно на другое, а бегунам низших разрядов совсем некогда состязаться. У моего ученика, рекордсмена страны на 10 тысяч метров Николая Свиридова, был четкий план предолимпийской подготовки, и вдруг его послали в долгое турне. Планомерная подготовка была сорвана, а в результате неудача в Мехико.

Петр Болотников. Любая футбольная команда класса «Б» имеет лучшую тренировочную базу, чем сборная СССР по легкой атлетике. Нам просто необходимо иметь хорошо оборудованные базы под Москвой, на Украине и на Кавказе. У легкоатлетов нет специализированных стадионов, не хватает хороших беговых туфель и другого снаряжения.

Эдвин Озолин. Помню, в 1961 году я сказал корреспондентам «Огонька», что у нас лучшие в мире беговые дорожки. Теперь все изменилось к худшему. Наши битумные дорожки не идут ни в какое сравнение с тартановыми, на которых в прошлом году были побиты все мировые рекорды в спринте.

Николай Политико. Спринтеру нужно развивать взрывные качества, а применяемые у нас большие тренировочные объемы вырабатывают в основном выносливость. Тренеры блуждают в потемках, а ученые не отваживаются на конкретные рекомендации. Практической помощи мы пока что от них не видим...

Последнее замечание Н. Политико, который сейчас готовит спринтеров в сборной команде страны, особенно важно. Это отмечали все, с кем нам довелось беседовать. В самом деле, за последнее время защищены десятки диссертаций, посвященных проблеме бега. Но чем помогла наука в подготовке сборной команды? Ничем!

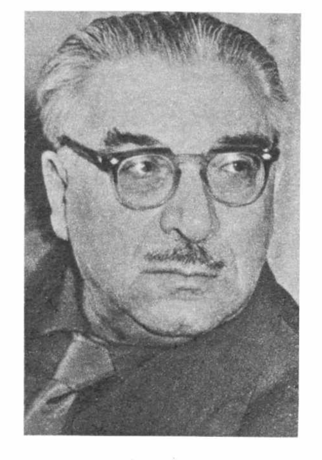
Порой дело доходит до курьезов. На чемпионате СССР прошлого года врачи оценили функциональное состояние Геннадия Агапова как крайне плохое, а на следующий день спортсмен завоевал серебряную медаль. На Спартакиаде народов 1967 года никому не известный новичок Владислав Сапея стал чемпионом в беге на 100 метров, затем победил в финале Кубка Европы. Сапею включили в сборную для подготовки к олимпиаде. Могучий организм спортсмена перенес громадное напряжение зимней и весенней тренировочной работы, но на мемориале Знаменских спортсмен получил травму. Ему бы отдохнуть. На это ему не дали времени, а травма приобрела хронический характер и обострилась в самый неподходящий момент — в Мехико. Казалось бы, после этого надо было дать передышку бегуну, но зимние нагрузки оказались еще более тяжелыми, чем год назад, и организм Сапеи в конце концов не выдержал. На чемпионате в Киеве способный спринтер, бегавший 100 метров за 10 секунд, занял лишь шестое место. Вот вам и наука, вот вам и умение тренеров предвидеть.

Да, немало ярких талантов поблекло в сборной команде. Но не всегда виноваты и тренеры, ведь они работают с 15—20 бегунами, где же тут вникнуть в особенности каждого спортсмена. Пора искать новые формы работы с сильнейшими. Может быть, эта работа должна сводиться к тому, что все лучшие бегуны страны проходят подготовку у своих тренеров дома и лишь в канун ответственных стартов собираются вместе? В этом случае изменится и задача тренера сборной команды страны. Он станет не опекуном для избранных, а «тренером тренеров», возглавив совет, который будет создавать нашу школу бега, искать молодых талантливых спортсменов. Увы, пока все это мечты! И вот история Владимира Дудина. Когда бегун на 3 тысячи метров с препятствиями стал героем чемпионата страны, установил мировой рекорд, тренеры сборной команды были изумлены. Никто не ждал такого результата от спортсмена, не входящего в состав сборной. И Дудин не исключение. Валерий Борзов и Галина Митрохина, новые чемпионы страны в беге на 100 метров, тоже не входили в сборную команду даже запасными, а именно они добились победы над всеми сильнейшими. Чемпионами СССР на средних дистанциях совершенно неожиданно стали Сергей Крючек и Владимир Пантелей, которые не были даже включены в состав нашей команды, участвовавшей во встречах со сборными ГДР, Польши и США. Интересно, что наш первый и пока единственный за всю историю чемпион Европы в беге на 100 метров 19-летний киевлянин Валерий Борзов в составе сборной команды страны почти не готовился. Валерий предпочитал привычный и уже апробированный тренировочный режим, разработанный его наставником В. Петровским. Всего же на чемпионате страны из десяти беговых дистанций у мужчин члены сборной команды проиграли шесть. Не говорит ли это еще раз о том, что несколько бегунов, входящих в сборную, заслонили от тренеров всю остальную массу способных спортсменов?..

Вопрос очень серьезный, и решать его нужно безотлагательно. В этом нас убеждают итоги чемпионата Европы в Афинах. Там в какой уже раз мы могли убедиться, что без бега нет победы. Как известно, наши метатели и прыгуны выступили в Греции отлично, завоевав семь золотых медалей из девяти привезенных домой, но в конечном счете команда заняла лишь второе место, проиграв спортсменам ГДР 22 очка. Вот как дорого обходятся неудачи в беге!

Тринадцать беговых дистанций, включая эстафеты и марафон, стали камнем преткновения для нашей легкой атлетики. Неужели же у нас не хватит сил решить наконец проблему этой «чертовой дюжины»?

«СМЕРТНЫЙ, Я БЕССМЕРТЬЕМ ОБУЯН!»

Случись по-иному — был бы торжественный вечер, и юбиляр, грузноватый, но все еще атлетически сложенный, сидя в традиционном почетном кресле на авансцене, глядел бы на ораторов из-под очков мудрым, чуть хитроватым взглядом. Случись по-иному...

Но не случилось. Не дожил поэт до своего семидесятилетнего юбилея.

Илья Сельвинский был одним из тех, для кого мысль о бесследном исчезновении, о прекращении существования личности, сознания была абсолютно нетерпимой.

В стихах последних лет он все чаще обращается к теме жизни и смерти.

> Наука беспощадна и узка,
> Искусство простодушно и
> широко.
> «Любая к смерти приведет
> дорога» —
> Какая в этом дикая тоска!..
> А я поэт. Я верую в
> бессмертье.
> Оно не в монументах,
> не в статьях.
> Что мне до них, когда
> не бьется сердце
> И фосфор загорается
> в костях?
> Увы, так называемая
> «слава» —
> Эрзац бессмертья, только и
> всего.
> Ее величье утешает слабо.
> Мое ж бессмертье — это
> естество.

Поэзия Ильи Сельвинского всегда была мужественной, его творческая мысль — пытливой, а идейная убежденность — непоколебимой.

Всю свою творческую жизнь он обращался к темам «переднего края» жизни. Его знаменитая «Улялаевщина» была посвящена борьбе и победе сознательного классового мировоззрения над анархистской стихийностью, трагедия «Командарм-2», роман «Пушторг» глубоко и свежо раскрывали тему участия интеллигенции в революции, арктический эпос — «Челюскиниана», «Арктика» — был гимном подвигу освобожденного народа, побеждающего стихии, а пьеса «Умка — Белый Медведь» провозглашала торжество идей социалистического гуманизма.

Исторические трагедии Ильи Сельвинского, его трилогия «Россия», его стихи военных лет — значительный вклад поэта-коммуниста, поэта-гражданина в советскую литературу.

Творческий облик Ильи Сельвинского был неотделим от его человеческой личности.

Я вспоминаю 1948 год. В старинном здании на улице Герцена, что рядом с консерваторией, помещался тогда Московский юридический институт. На третьем этаже, у самой лестницы, в длинной, узкой аудитории собиралось студенческое поэтическое объединение, которым руководил Илья Сельвинский. Один урок, преподанный нам, урок не только литературный, не забыл никто из нас.

В конце войны в одной из газет появилась заметка, в которой рассказывалось о любопытном фронтовом эпизоде. Советский самолет возвращался с боевого задания. Почти весь боекомплект был израсходован. И когда неожиданно из облаков вынырнул «мессер», стрелок-радист сумел дать только две-три очереди. Пулемет умолк, а «мессер», зайдя в хвост нашему самолету, безнаказанно поливал его огнем. И тут стрелок-радист в бессильной ярости метнул навстречу «мессеру» контейнер с листовками. «Мессер» заложил крутой вираж и ушел.

И вот один из наших институтских поэтов, вдохновившись газетной заметкой об этом случае, написал небольшую поэму. Нет, конечно, никаких сомнений в том, что наш летчик в этом эпизоде проявил мужество и находчивость, а фашист оказался трусом. Но элемент случайности и даже некоторый комизм происшедшего настраивали скорее на веселый лад, чем на глубокие переживания. Наш автор этого не ощутил. Его поэма была написана чуть ли не гекзаметром и изобиловала такими оборотами, как «гордый сокол взмахнул крылами»...

По мере чтения в нашей длинной узкой аудитории нарастало напряжение от судорожно, последними усилиями сдерживаемого хохота. Еще мгновение — и оно должно было разрядиться катастрофическим взрывом, катастрофическим, разумеется, для автора, который мог бы получить чрезвычайно болезненную моральную травму. Илья Львович точно почувствовал этот миг. Он прервал автора, прервал очень вежливо, но решительно, заявив, что, прежде чем автор продолжит чтение, необходимо сделать несколько существенных для всех присутствующих замечаний. Замечания были тут же высказаны со всей прямотой, присущей Илье Львовичу, но он отнес свои соображения о единстве формы и содержания не только к автору поэмы, привел несколько примеров из работы других участников семинара, даже из стихов нескольких известных поэтов. Сокрушительная по существу, критика по форме оказалась уважительно товарищеской, упоминанием имен признанных поэтов Сельвинский как бы подчеркнул общность всех, кто в той или иной мере причастен к литературе, серьезность профессиональной учебы для всех пишущих.

«Личные» вопросы у Сельвинского носили в основном общественный характер. То он присылал стихи кого-нибудь из своих студентов-заочников Литературного института и просил «проследить». То беспокоился, хорошо ли будет встречен в редакции молодой поэт Олег Богданов, в судьбе которого Сельвинский принял большое участие. То просил напечатать рецензию на кого-либо из своих подопечных.

А ведь он был уже очень болен. И не мирился ни с неотвратимым исходом болезни, ни с ограничениями, накладываемыми ею.

Мне рассказали, что за два дня до смерти Илья Сельвинский прочитал стихи молодого поэта Феликса Чуева. «Задиристый, интересный поэт,— сказал он.— Я бы хотел увидеться с ним, поговорить. Пригласите его ко мне».

Счастье человека — в его делах и свершениях. Илья Сельвинский хотел всегда быть с людьми, со страной, с героями и читателями его книг. Он обрел счастье жить после смерти в сердцах читателей.

Юрий ИДАШКИН

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЕЩЕ РАЗ О ЖУРНАЛЕ „ТЕАТР"

Не надо думать, будто все осталось прежним на страницах журнала «Театр» с тех пор, как серьезные его ошибки явились предметом обсуждения Коллегией Министерства культуры и секретариатом Союза писателей СССР; журнал был тогда подвергнут глубокой и острой критике.

О неверном направлении в работе журнала, об утрате чувства ответственности у коммунистов, работников редакции «Театра» шел более года назад прямой разговор на бюро Свердловского райкома партии города Москвы.

Что же казалось неправомерным, вразрез идущим с задачами времени, задачами эпохи коммунистического строительства в материалах, публикуемых «Театром»?

Неудовлетворенность работой журнала вызывала прежде всего расплывчатость мировосприятия, нечеткость идеологических позиций. Создавалось впечатление, что редакция живет обособленно от жизни народа, от жизни общества, с ее реальными требованиями, заботами, радостями и огорчениями...

Впрочем, что касается огорчений, то необходимо сразу же внести существенную оговорку. Потому что, пожалуй, только к ним, огорчениям, «Театр» неизменно сохранял отношение самое внимательное. Самый благожелательный прием, самые высокие оценки на страницах «Театра» получают пьесы и спектакли, где жизнь человеческая горько оплакана или так же горько осмеяна. Сетуя об извечных якобы несовершенствах бытия, мироустройства «вообще», редакция журнала «Театр» не замечает рядом с собой весьма существенных социальных примет, как и психологических, нравственных черт в облике людей, характеризующих советский современный образ жизни,— героев, преобразующих мир и самую историю. Согласно концепции «Театра», всюду одинаково торжествует Зло, идеалы же Добра и Справедливости безжалостно и грубо попираются.

Устранившись от главной задачи — вести театральную общественность по пути творческого служения народу, журнал, по существу, предал забвению традиции социалистического реализма. Вот, пожалуй, основная суть «новаторства», всячески поддерживаемого «Театром».

Читатель спросит: в чем же тогда заключаются изменения, если только они произошли в работе журнала?

А они произошли.

Нынче «Театр» еще меньше, чем когда-либо, стремится найти и утвердить на сцене такие создания ее художников — драматургов, режиссеров, актеров,— которые поэтически, приподнято передавали бы волнующую атмосферу народного подвига, окрыляли вдохновением человеческую мысль и волю. И еще больше, чем когда-либо, получают поддержку на страницах журнала произведения драматургии и театра, нагнетающие неверие в жизнь, рисующие действительность с той невнятной «общегуманистической» точки зрения, в свете которой человек предстает как игрушка в руках рока, злой судьбы либо жестокого и равнодушного государства.

Явный гражданский инфантилизм иных театров и, более того, чрезмерную их податливость к «ультрамодным» западным веяниям, находящим отражение и в подборе драматургии и в методах сценической реализации пьес (в том числе и классики) журнал все более настойчиво рекомендует в качестве примера, в качестве интересной будто бы творческой практики, в качестве «поисков», нужных советскому сценическому искусству.

Развернем шестой, седьмой, восьмой, девятый номера «Театра» за 1969 год... Обращает на себя внимание в шестой книжке журнала статья А. Аникста «От Осборна к Мерсеру», где автор, с завидной непринужденностью разбирая произведения современной английской драматургии, приходит к непомерно «широким» и явно произвольным выводам. «Все плохо в этом мире,— пишет А. Аникст,— люди дурные и хорошие одинаково несчастны и страдают из-за жестокости, господствующей над миром». Что бы в мире ни происходило, как бы ни изменялась действительность, «вековые проблемы нужды, гнета, насилия не решены и мир по-прежнему нуждается в обновлении».

В свое время социальная драматургия «рассерженных» молодых людей, напоминает А. Аникст, поднимала вопросы, на которые «не было ответа». Что же это за вопросы? Чем была недовольна «сердитая» молодежь? А. Аникст поясняет, что сердитые молодые люди «разочарованы в том «социализме», который предложили им властители их страны».

Конечно же, наивно предполагать, что А. Аниксту неведомо различие между «социализмом», о котором вещает буржуазная пропаганда, и социализмом подлинным, завоеванным подвигом народов нашей страны и других стран социалистического лагеря. Но, жонглируя терминами, А. Аникст смазывает, стирает их различие. И тем самым вносит недопустимую путаницу в представление читателей о важнейших процессах, происходящих в жизни.

Так, например, автор статьи разбирает пьесу Арнольда Уэскера «Кухня». Судя по пересказу А. Аникста, образ грязной кухни передает убогую, низкую сущность всей вообще человеческой жизни на земле. Хотя действие происходит, как замечает А. Аникст, в очень конкретной социальной обстановке, оно «имеет не только непосредственный бытовой смысл, но и аллегорическое значение».

Ради «аллегорического» значения пьесы, достаточно выразительно обозначенного в словах: «Эта вонючая кухня похожа на весь мир...» — журнал и привлекает к «Кухне» внимание театральной общественности.

Статья обширна; всех пьес, рассмотренных в ней, не упомянешь. Но нельзя обойти молчанием разговор о произведениях Девида Мерсера, поскольку образы этих пьес А. Аникст считает типичными. Наиболее же типичным А. Аниксту представляется мятущийся юноша Колин. Он едет в Польшу, чтобы увидеть незнакомый ему социалистический мир, а оттуда в Берлин, разделенный стеной. Возле этой стены Колин гибнет: когда он вздумал перелезть через стену, солдаты открыли стрельбу с обеих сторон...

Как видим, смерть героя действительно и символична, и иронична, и аллегорична. Колин не смог ни сохранить жизнь, ни найти свое место в разделенном стеной мире... Но разве не следовало бы автору статьи оспорить тот якобы равноценный, равнозначный смысл, который придается образу «стены», образу равнодушных к людям — «с обеих сторон»! — государственных установлений?..

Усиленно подхватываемая журналом «Театр» в зарубежной драматургии, «модная» тема равнодушия, безразличия общества, государства к судьбам людей, к человеку в той или иной мере находит свое отражение и в некоторых пьесах советских драматургов. Но напрасно было бы ожидать, что критики, выступающие на страницах «Театра», будут оспаривать эту в корне неверную позицию. Напротив, в седьмой книжке «Театра» критик К. Щербаков, например, в своей рецензии на спектакль «Соловьиная ночь», поставленный в Москве по пьесе В. Ежова Театром имени Вл. Маяковского, больше всего огорчен «излишним», по его мнению, «нагнетанием мажорности в финале»!..

Зато главной удачей драматурга и театра критик считает размышление о том, «как много зла может принести даже маленький негодяй, ощутивший за своей спиной силу параграфа, силу бумажки, умеющий демагогически ловко воспользоваться ею. И ведь ясно же, что негодяй, а попробуй ухватись — гладок, оказывается, не ухватишь...».

Правда, К. Щербаков замечает, что «история, движущая сюжет пьесы и спектакля, сама по себе серьезного интереса не представляет, но она стала поводом, чтобы автор и театр могли высказать то, что представляется им современным и важным».

Какие же именно стороны современности критику кажутся особенно важными?.. Загадав эту загадку, автор рецензии не оставляет читателей в неведении. Самым существенным, утверждает он, является высота обобщения, на которую поднялся рассказ о том, как погубили было ни за что ни про что в армии храброго, хорошего парня, фронтовика, в первые дни после окончания войны. Потом кое-как парня из беды выручили, но жестоко еще придется за него пострадать кристальному, редкой души человеку полковнику Лукьянову. Дорогой ценой расплатится он за свое стремление быть честным и справедливым!.. Именно с такой подчеркнутой многозначительностью и названа рецензия К. Щербакова: «Цена справедливости»... И в полном согласии со своей концепцией К. Щербаков требует не «мажорного» решения темы, которую ставит пьеса,— считая его фальшивым,— а решение подчеркнуто трагического. Иначе говоря, К. Щербаков предлагает усилить все «точки над i», какие имеются в пьесе; не затушевывать их внешней «мажорностью», а показать еще более видимыми и резкими...

В том же седьмом номере напечатана статья Е. Поляковой о спектакле «Нахлебник» по

пьесе И. С. Тургенева в недавней постановке МХАТа. Статья названа неожиданно: «Маленький человек большого мира».

— Да разве можно сказать это о Яншине, играющем заглавную роль! — удивится читатель... Поистине все перевернуто критиком с ног на голову, ибо герой М. Яншина в мхатовском спектакле выступает отнюдь не «маленьким человеком». Глубоко реалистическая игра замечательного артиста, верного великим традициям родной сцены, позволяет М. Яншину с необыкновенной силой показать потрясение **большой** души, трагедию **большого человека,** затерянного среди пустых и ничтожных людишек в **маленьком мирке** прошлого...

Особенно важно в игре Яншина развитие, становление образа. Поэтому-то работа артиста, быть может, даже еще более интересна и значительна во втором акте, к которому Е. Полякова относится весьма прохладно.

Дело в том, что этот акт, оказывается, «не относил... к удачам Художественного театра» еще Н. Эфрос, комментирует Е. Полякова. «Зритель узнал все в финале первого акта, а здесь (во втором акте.— **Н. Т.**) идет уже не действие, а повествование, изложение обстоятельств, подробностей»,— пишет критик.

Конечно, в исполнении Яншина и это повествование и этот рассказ «слушаются», нехотя утверждает Е. Полякова. Но ее вывод о скрытой человеческой сути рассказа, а главное, о нравственной сути самого героя представляется совершенно неверным.

Е. Полякова убеждена, что герой Яншина, приживальщик Кузовкин, если б получил он в первом акте в подарок от господ собственную усадебку Ветрово, был бы вполне счастлив и доволен. И будто бы только после пережитого им позора Кузовкин, «потрясенный, как бы очистившийся, маленький человек, осознав себя человеком, не может вернуться в уютное существование ветровского помещика».

Значит, не случись «позора», не было бы и человека?

Да не так все это! Не так!.. И позор — без кавычек, а в полном смысле слова — терпит не Кузовкин Яншина. **Позор** терпят те «господа», которым не под силу дотянуться до подлинного нравственного превосходства, величия героя...

М. Яншин справедливо возводит это величие души, следуя за Тургеневым, за глубочайшими народными традициями русской и советской сцены, до того уровня трагизма, на котором до сих пор мы, возможно, привыкли видеть одного только шекспировского короля Лира... Тем интересней и тем значительней создание МХАТа и актера. И тем обиднее рецензия, неточная, необъективная, далеко не исчерпывающая полноты и многогранности великолепного произведения классики, в нынешнем, поистине современном прочтении МХАТа.

Классика вообще, об этом уже много говорилось в печати, по-прежнему остается для журнала «Театр» своеобразной «точкой прицела», куда постоянно направлено взыскующее око редакции.

Театр имени А. С. Пушкина в Москве поставил пьесу А. М. Горького «Зыковы». В том же седьмом номере «Театра» напечатана рецензия Е. Балатовой «Новые «Зыковы». Прочитав ее, вы испытаете острое желание найти автора и спросить без обиняков: а каков же все-таки спектакль, как он сыгран, в чем его удачи?..

Оценивая режиссуру, Е. Балатова считает нужным упомянуть мимоходом, что у коллектива «нет своих сценических традиций прочтения Горького». А что из этого следует? Коллективом руководит Б. И. Равенских, крупный художник советской сцены. Как всем известно, у него есть традиция интересного, глубокого прочтения классики — пьес Л. Толстого, Л. Андреева, Л. Леонова...

Новый спектакль идет в постановке режиссера П. Васильева, «для которого,— сообщает Е. Балатова,— работа над драматургией Горького была магистралью его творческого пути». Куда же вывела эта магистраль постановщика? Каковы «Новые «Зыковы»?.. По утверждению критика, новизна проявляется прежде всего «в точности и определенности образа Павлы. Если на других сценах Павла превращалась подчас в небесное существо с идиллической мечтой о всеобщей любви и доброте, то в спектакле Театра имени А. С. Пушкина такого поворота проблемы не существовало».

Вы, читатель, поверили в «точность и определенность» образа Павлы? Допустим, поверили. Так напрасно вы это сделали! Невозможно проникнуть в смысл таких, например, умозаключений критика: «Возникает сложное взаимодействие: обидный страх Павлы перед прошлым Шохина обращается в гонение человека, в свою очередь, внушает страх. И дальше тянутся нити к мечте Софьи — освободить людей от страха».

А Софья? О ней вы тоже узнаете посредством «сложного взаимодействия» критических наблюдений и выводов. «На фоне провинциальной идиллии, где, казалось бы, господствуют таз с вареньем и гитара (!), возникает,— пишет Е. Балатова,— замедленная прогулка Софьи с Муратовым вдоль ступеней террасы (он — по верхней ступени, она — по тропке), и этот параллельный, не пересекающийся путь заставляет ощутить психологическую бездну (!) между людьми».

Преодолевая постепенно подобные «красоты стиля», мы добрались-таки до конца рецензии. Но так и не посчастливилось нам узнать, что же думает критик о «Зыковых», чем хорош, чем интересен спектакль. То ли не хочет, то ли не может рассказать об этом Е. Балатова, предпочитая уклончивые, ничего не значащие либо вовсе не внятные, путаные фразы...

Но уж зато в девятой, сентябрьской книжке «Театра» с полной отчетливостью дается оценка спектакля «Мать», поставленного Театром на Таганке.

«В согласии с Горьким» — так безоговорочно озаглавлена рецензия А. Анастасьева. И невольно задумываешься над смелостью самого утверждения. Невольно представляешь себе изумление Горького, мнимым «согласием» которого поспешили благословить более чем спорную концепцию инсценировки и спектакля.

Правда, у А. Анастасьева в его восторженной статье есть и некоторые оговорки: он, скажем, считает, что «рядом с потрясающими картинами, с проникновенным образом, созданным З. Славиной, есть холодные, словно бы служебные эпизоды». И еще не нравится А. Анастасьеву «прямолинейная заставка» — фабричный парень на авансцене, лузгающий семечки еще до начала спектакля. Но все это, разумеется, пустяки, мелочи. Основное во «всеохватывающей, страстной, пронзительной» мысли о «свободе, как единственно нормальном существовании человека» пишет А. Анастасьев.

Все это так, да не так...

В новой постановке Ю. Любимова (инсценировка Б. Глаголина и Ю. Любимова) героиню действительно запоминаешь с первых минут появления на сцене. Талантливая Зинаида Славина и впрямь обнаруживает новые, неожиданные стороны своего интересного, оригинального дарования, играя Ниловну... С большой сердечностью стремится молодая актриса проследить путь «выпрямления» человека, поднимающегося от самых обездоленных, самых низких «низов»... А здесь ведь как будто и лежит главная горьковская тема, главная тема революции. Тема, важнейшая и вчера, и сегодня, и завтра...

Да, боль и горе Ниловны — Славиной чувствуешь. За всеми тяжкими ее переживаниями неотрывно следишь на протяжении того дивертисмента, который в Театре на Таганке именуется спектаклем «Мать». И все же впечатление от увиденного складывается такое, что именно горьковского-то спектакля, **горьковской** мысли здесь нет и в помине! Нет и той истории Ниловны, которую в великом горьковском произведении, так высоко оцененном в свое время Владимиром Ильичем Лениным, составляет процесс удивительного духовного становления героини. Победительный, торжествующий процесс, неразрывно связанный с нарастанием революции, с ее героями...

Качества, которые в романе Горького обретает Ниловна,— есть прямое следствие жизнетворного влияния революции на всех ее борцов и участников. Ниловна одна никогда не смогла бы стать тем, кем она стала! Условие духовного роста героини — живые силы революции: сын Ниловны Павел и все другие герои — соратники и друзья Павла. Без них не было бы и великого образа Матери.

В спектакле же трагический образ Ниловны существует в одиночку.

Правда, коль скоро героиня З. Славиной вынуждена реагировать на отдельные реплики безликих персонажей, весьма причудливо расставленных на сцене и над сценой (согласно режиссерскому «рисунку», все они к тому же остаются во все время действия в непроглядном мраке), то вроде бы возникает и какое-то движение образа. Но до чего же это унылое в самом замысле своем движение!.. Оно лишено главного: **радости революционного свершения.** Впрочем, как пишет об этом А. Анастасьев, Театр на Таганке о таком решении и не заботился. Ему не это было нужно! «Театр,— сообщает критик,— беспощаден к тем, кто попирает достоинство, насилием обращая людей в рабов».

Кроме Ниловны, критику запомнились: неопределенного обличья «солдафон», злобный пес, охраняющий «власть имущих», элегантный молодой генерал, ряды солдат в поношенных шинелях, двигающихся строем по сцене...

А. Анастасьев восхищен тем, как, пользуясь этим «строем», театр лепит образ спектакля, «образ, создающий гнетущую атмосферу дикого порабощения людей. И здесь — сочетание подлинности и символики: строй обретает вдруг очертания, за которыми угадываются тюремная стена, тюремная решетка».

Действительно, образ тюрьмы, решетки от начала до конца господствует в спектакле.

Но разве это тема горьковской «Матери»?!.

«Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых,— подчеркивал В. И. Ленин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции».— Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции».

В спектакле же на Таганке нет ни образа революции и ее активных творцов, ни атмосферы особой, революционной праздничности. Более того, со странной настойчивостью театр подчеркивает аллегорическую трагедийность всего происходящего, всячески выпячивает обреченность людей, борющихся против тупой и бездушной силы «власть имущих»...

Нельзя не заметить, что и сам журнал «Театр» вслед за Театром на Таганке, настаивая на таких понятиях, как государство вообще, войско вообще, власть вообще, снова и снова смещает у читателя и зрителя важнейшие классовые, социальные представления. Теряя точное ощущение времени, точную окраску событий, самой истории, «Театр», «аллегорически», конечно, преподносит их в странно «осовремененном» свете.

В понимании журнала «Театр» (как и поддерживаемых им театров) современность якобы только так и следует освещать — в мрачном, безысходно-трагическом плане, «поворачивая» по этому «компасу» все спектакли, даже в тех случаях, когда к тому нет ни малейших оснований.

В этой связи нельзя не упомянуть о рецензии В. Силюнаса «О тех, кому не повезло». В ней критик просто не находит слов для восхваления **«двойственности»,** которая «пронизывает весь спектакль».

Не верите? Тогда откройте седьмую книжку «Театра» на 28-й странице, где, захлебываясь от восторга, В. Силюнас пишет о постановке в Рязани режиссером П. Штейном пьесы Лопе де Вега «Учитель танцев». Смысл постановки и выражен в словах: «О тех, кому не повезло».

Театру нужна, утверждает критик В. Силюнас, «не сказка о счастливых, а быль о тех, кому не повезло»...

Только о невезучих! Какая удручающая односторонность...

* * *

Трудно подвести итоги сказанному. Трудно сделать выводы.

Трудно, хотя бы уже потому, что они, как это было сказано в начале нашего обозрения, давным-давно сделаны.

Напомнить же о них, видимо, стоит.

ОНИ НАСЛЕДНИКИ

Небольшое авторское предисловие к новой книге Н. Сизова «Наследники» с подкупающей искренностью и простотой знакомит читателя с тем, как возник замысел романа, ставшего закономерным продолжением молодежной повести «Сердца беспокойные», которая была посвящена Н. Сизовым героям-комсомольцам подмосковного городка Заречье, наследникам героических традиций советского народа.

Собственно, те же замечательные ребята, с какими мы впервые встретились на страницах книги «Сердца беспокойные» — и прежде всего Алексей Быстров и Костя Зайкин,— продолжают естественно и непринужденно рассказывать нам историю своей жизни в романе «Наследники».

Непринужденность — совершенно умышленно, а не по небрежности я повторяю это слово,— отсутствие у автора малейшего намерения «поразить» читателя какими-то нарочитыми «красотами» стиля придают роману почти документальный характер, ощущение полной правдивости, ненадуманности всего происходящего.

Этим-то драгоценным ощущением автор, быть может, прежде всего и берет в плен читательскую душу. Потому что, знакомясь с содержанием романа, успеваешь по-настоящему привязаться к героям, полюбить Алексея Быстрова, Катю Завьялову, Виктора Зарубина, чудесного, неугомонного парня Костю Зайкина... Они — и это происходит опять же очень доказательно и просто — в силу своих великолепных человеческих качеств становятся вожаками огромного молодежного коллектива строителей подмосковного гиганта «Химстрой».

Н. Сизов не восхваляет своих героев, не ставит их на котурны, а показывает такими, какие они есть: людьми с широкой душой, открытой для всего доброго, человечного, нужного жизни. И одновременно непримиримыми к злу, неправде, предательству — такое ведь тоже существует рядом с нами.

Но отрицательные персонажи составляют в книге не просто «фон» и не просто помогают автору создать «интригу», поострее «закрутить» сюжет. Надо отдать справедливость Н. Сизову — сюжет романа построен им мастерски: большое произведение читаешь, не отрываясь, с напряженным интересом следя за развитием событий. Все персонажи, противоборствующие героям, тоже запоминаются. Они имеют свой облик, свою социальную и психологическую основу. И, как хорошо говорит в романе мудрый Ефим Мишутин, не надо этому удивляться: «Около зерна должна быть и полова».

Многоликая, разносторонняя, интересная молодежь активно, весело, содержательно живет на страницах книги Н. Сизова. Она шумит, спорит, решает множество остросовременных, волнующих ее проблем, влюбляется, ссорится, теряет и находит. Ее все время видишь, слышишь, чувствуешь, пока читаешь роман «Наследники»...

Н. ПАВЛОВА

Н. Сизов. Наследники. Издательство «Молодая гвардия», 1969.

ПОРА ВОЗМУЖАНИЯ

Книга эта не только о Шаляпине. Вернее, так: это книга о Шаляпине, через судьбу которого показана извечная, никогда не разрушающаяся связь двух культур — украинской и русской, их кровное родство, взаимопроникновение и взаимное обогащение. Конечно, можно считать и случайностью тот факт, что великий русский певец впервые пробует свои силы в «малороссийской» труппе Деркача, неожиданно встретив ее в Казани в очень трудное для себя время и путешествуя потом с нею по Волге, Южному Уралу и Средней Азии. Но отнюдь не случайна пронесенная Шаляпиным через всю жизнь любовь к украинской песне, далеко не случайна его взволнованная заинтересованность судьбою Кобзаря Украины Тараса Шевченко, о котором поет ему в закаспийских степях акын Гульчоро, о котором повествует в Нижнем Новгороде Алексей Панов, нареченный в «Дневнике» Шевченко «крепостным Паганини». И вырастают уже до уровня символа заключительные эпизоды книги: после ареста Панова его друзья-рабочие именно Шаляпину передают вылепленный руками Тараса бюст волгаря, так преданно оберегаемый сорок лет русским самородком и разбитый теперь жандармами. И вот певец, который до того не увлекался ни живописью, ни ваянием, кропотливо — ночами, после спектаклей — восстанавливает драгоценную скульптуру и спасает ее от жандармского ротмистра.

Спасает Шаляпин при этом не только скульптуру, спасает он и участников рабочего кружка, организованного Пановым. И это тоже не случайность, не прихоть великого певца. Книга Анатолия Щербака повествует, конечно, об артистическом мужании Шаляпина, но вместе с тем показывает она и рост его социального сознания, возмужание в нем гражданина прежде всего. Проделав головокружительное восхождение от нищенского своего детства — через полуголодную, безденежную юность — к более чем обеспеченной жизни мировой знаменитости, певец всегда боялся оторваться от народа, всегда помнил о своих корнях. Знаменательна в этом отношении сцена приезда Шаляпина в рабочую слободу Нижнего Новгорода, где «панычи» вообще не рискуют показываться и где великого певца принимают как равного.

Скупыми, «кинематографическими» средствами рисует нам Анатолий Щербак многогранный образ русского богатыря, человека богатой и щедрой души, щедрой иногда даже и не в меру, во вред своему огромному таланту. «В Шаляпине было слишком много «богатырского размаха»...— заметил Бунин,— поистине дал ему бог «в пределе земном все земное», и я не могу здесь удержаться и не процитировать еще одно интересное свидетельство писателя, близко знавшего Федора Ивановича и дружившего с ним: «Не надо преувеличивать, но не надо и преуменьшать: тратил он себя все-таки порядочно. Без умолку говорить, не давая рта раскрыть своему собеседнику... сыпать прибаутками, словечками... жечь папиросу за папиросой и все время «богатырствовать» было его истинной страстью. Как-то неслись мы с ним на лихаче по зимней ночной Москве... мороз жестокий, лихач мчит во весь опор, а он сидит во весь свой рост, распахнувши шубу, говорит и хохочет во все горло, курит так, что искры летят по ветру».

Хочется верить, что книжка Анатолия Щербака, изданная на украинском языке, найдет себе русского переводчика и послужит во имя дальнейшей дружбы культур двух великих народов.

Николай КОТЕНКО

Анатолий Щербак. Музы на терниях. Киев. Издательство «Молодь», 1969 г.

КРОССВОРД

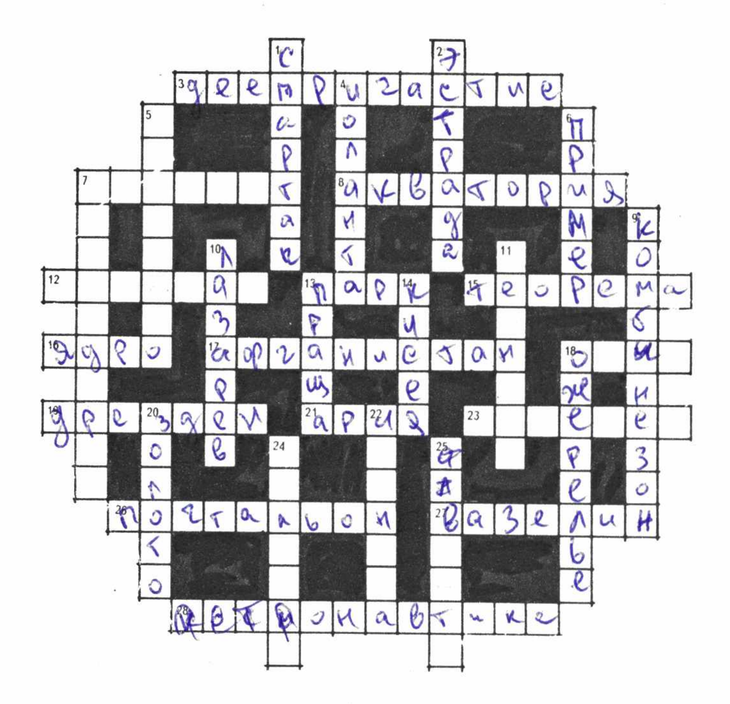
По горизонтали: 3. Форма глагола. 7. Древнегреческий историк. 8. Участок водной поверхности. 12. Областной центр в Узбекистане. 13. Большой декоративный сад. 15. Математическое положение, требующее доказательства. 16. Спортивный снаряд. 17. Государство в Азии. 18. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 19. Город в ГДР. 21. Сольное вокальное произведение. 23. Зодиакальное созвездие. 26. Работник учреждения связи. 27. Мазь. 28. Наука о полетах в мировое пространство.

По вертикали: 1. Балет А. И. Хачатуряна. 2. Сценическая площадка для концертов. 4. Опера П. И. Чайковского. 5. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 6. Частный случай, приводимый в доказательство чего-нибудь. 7. Хохлатая синица. 9. Костюм для работы. 10. Флотоводец, исследователь Антарктики. 11. Газета, выходившая в Москве в 1918—1931 годах. 13. Древнее метательное оружие. 14. Прозрачная тонкая ткань. 18. Украшение из драгоценных камней. 20. Химический элемент. 22. Озеро на Кольском полуострове. 24. Итальянский композитор. 25. Вяжущий материал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 7. «Накануне». 8. Отвертка. 9. Телевизор. 12. Алазея. 13. Оттиск. 14. Мегом. 16. Пеночка. 17. «Либерал». 18. Отранто. 20. «Душечка». 22. Колба. 25. Хлопов. 26. Нитрон. 29. Померанец. 30. Линкруст. 31. Аникушин.

По вертикали: 1. Скутер. 2. Павлов. 3. Закопане. 4. Деление. 5. Монисто. 6. Акустика. 10. Детонатор. 11. Отделение. 14. Манок. 15. «Млада». 19. Тропинин. 21. Киргизия. 23. Оркестр. 24. Бабадаг. 27. Подуст. 28. Мериме.

На первой странице обложки: Монумент в честь выдающихся достижений советского народа в освоении космоса. Москва.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Золото осени.

Фото С. Блохина.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00428. Сдано в набор 7/X-69 г. Подп. к печ. 22/X-69 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2062. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2749.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Ты такой непричесанный, а ведь космический корабль фотографирует Землю...

— Смотри, дорогая, какая сегодня чудесная звездная ночь!

Рисунки Ю. Черепанова.

— Не пропустить бы репортаж из космоса...

— Хочу обедать в космосе...

Спрос на ракеты.

— Теперь-то я уверен, что тормоза меня не подведут...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.